

A comic book style illustration. In the upper left, a young man with dark, wavy hair and a serious expression looks towards the right. In the lower right, a young woman with long, straight pink hair looks down at a smartphone she is holding. The background features a teal diagonal stripe and a halftone dot pattern. The overall style is reminiscent of modern comic book art.

YOUNG
ADULT
СОВЕРШЕННО
ЛЕТНИЕ

ТОРИ РУ
ИДА МАРТИН

**ЗВЁЗДЫ
СДЕЛАНЫ
ИЗ НАС**

Young Adult. Совершенно летние

Ида Мартин

Звезды сделаны из нас

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Мартин И.

Звезды сделаны из нас / И. Мартин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Young Adult. Совершенно летние)

ISBN 978-5-17-157925-8

Глеб привык жить обороняясь. Он изгой и носит странное прозвище – Святоша. Для него нет ничего важнее, чем смирение и принятие, пока в один прекрасный день не погибает его злейший враг. Нелли реставрирует кукол, красит волосы в розовый цвет, вызываясь одевается и старательно избегает своих одноклассников. До тех пор, пока в их школе не появляется новенький. Между Глебом и Нелли тысячи километров, но их объединяют похожие проблемы, интернет и необычный спор. Кто из них сможет первым превратиться в звезду?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-157925-8

© Мартин И., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Ида Мартин, Тори Ру	5
Глава 1. Глеб	6
Глава 2. Нелли	11
Глава 3. Глеб	17
Глава 4. Нелли	21
Глава 5. Глеб	27
Глава 6. Нелли	31
Глава 7. Нелли	35
Глава 8. Глеб	41
Глава 9. Глеб	46
Глава 10. Нелли	51
Глава 11. Нелли	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ида Мартин, Тори Ру Звезды сделаны из нас

© Ида Мартин, текст, 2023

© Тори Ру, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Кто в себе не носит хаоса,
тот никогда не породит звезды.*
Ф. Ницше

Глава 1. Глеб

Первая истина буддизма гласит, что все проявления жизни от рождения до самой смерти – это череда бесконечных страданий.

Вторая истина раскрывает причину страданий – это ожидания, надежды, мечты...

Третья истина утверждает, что избавиться от страданий возможно лишь посредством избавления от желаний.

А вот уже путь преодоления этих желаний – это четвертая истина.

Было бы здорово, если бы придумали еще и путь преодоления нежеланий. Потому что их у меня всегда намного больше. На первый взгляд может показаться, что нежелание есть желание чего-то другого, но на самом деле это не так.

Ведь, если я не хочу в одиннадцатый раз тащиться в школу на первое сентября, делая вид, будто безумно рад снова впрячься в каждодневную тягомотину, это вовсе не значит, что у меня есть желание подольше поспать или побездельничать. Я просто не желаю идти в школу, и это, между прочим, доставляет не меньше страданий, чем нереализованные желания.

Все та же мажорная нота ликования и праздника. Все те же лица.

Лето пронеслось, словно его и не было.

В длинный список нежеланий можно было бы добавить и обязанность нести смешливую конопатую первоклашку с колокольчиком. Меня особо никто не спрашивал – Жанна Ильинична просто позвонила и поставила перед фактом. Типа: я высокий и ответственный. Последнее означало, что я буду ходить на все репетиции, сколько бы их ни было. И я действительно ходил, потому что я и правда ответственный. А еще сговорчивый и безотказный.

Мама сказала, я должен гордиться, что меня выбрали для столь важной миссии, и мне приятно, что она этому рада, но на этом всё. Потому что я прекрасно знаю, как будет дальше. Пройтись перед всеми с первоклассницей на плече – идеальное начало учебного года. Лучшего повода глума для всей параллели и не придумаешь.

Не нужно обладать третьим глазом, чтобы представить десятки последующих за этим мемов: «Явление чудотворного колокольца», «Посвящение в святые неугодники», «Преображение Святоши перед лицом народа», – но большинство из них будут, конечно, не столь затейливыми и ироничными, а откровенно похабными и тупыми.

Ничего, разумеется, нового, и все же не сильно заманчивая перспектива.

– Ой, Святоша, привет! А ты чего с букетом, а не с венком?

Оборачиваться смысла нет. У Румянцевой такой тягучий и прокуренный голос, что ошибиться невозможно.

– Че за игнор, Филатов?

Она резко дергает сзади за рюкзак, от чего, оступившись, я делаю шаг в лужу, и фонтан крошечных брызг оседает на идеально выглаженных штанинах черных брюк. Засохнут – останутся пятна. Мама расстроится.

Но с Румянцевой лучше вообще не связываться: чем больше ей отвечаешь, тем сильнее она липнет. Поэтому я просто смотрю вперед и считаю оставшиеся до конца дорожки фонари.

Ночью прошел дождь, но ясное утреннее солнце уже всю сверкает на влажной листве деревьев и обещает хороший, все еще по-летнему теплый день.

– Ты чего там, молишься? – Румянцева пристраивается рядом и хватает меня под руку.

Из яркой длинноволосой блондинки за лето она превратилась в короткостриженую брюнетку. С волосами ей было лучше, а черный цвет придал симпатичному, но жесткому личику остроты, и она стала похожа на встрепенувшуюся галку.

– Новый образ? – Я делаю вид, будто мне нравятся произошедшие с ней перемены, и одобительно киваю.

– Постриг приняла, – хихикает она. – Одобряешь?

– Постриг предполагает целомудрие, так что у тебя просто стрижка.

И кто меня только тянет за язык?

– Целомудрие? – хохочет она на всю улицу. – А это как? Научишь?

Теперь уж точно лучше промолчать. Я сам дал ей повод и приготовился расплачиваться по полной.

– Это та болезнь, которая у тебя? А, нет, твоя вроде называется импотенция.

На мое счастье, в боковой аллее появляются две ее подружки и активно машут руками. Румянцева притормаживает, чтобы их подождать, а я прибавляю шаг.

Бледно-голубое небо дышит свободой, а мне все не удается понять: как можно избавиться от страданий, лишившись надежд?

Кстати, моя мама, напротив, считает, что страдать хорошо и даже полезно и что через страдание человек очищает душу и освобождается от грехов.

Но мне совсем не хочется страдать. Никак. Ни по-христиански, ни по-буддистски.

Раньше, пока не заварилась вся эта каша с Мишкой, никто у нас в семье не страдал и все было в порядке, но в девятом классе он связался с нариками и пошло-поехало.

Мне тогда было восемь. И вначале я и понимать-то не понимал, что происходит.

Мишка просто вдруг стал пропадать из дома, ссориться с мамой, а когда ее не было, приводил домой странных людей и запрещал рассказывать ей об этом.

Мама много плакала из-за Мишки, особенно когда его в первый раз арестовали за магазинную кражу. Но тогда ему просто выписали штраф и возмещение убытков. Деньгами помог папа, и все на какое-то время замялось. А через полгода брат исчез. Не так как раньше – поболтаться у друзей пару дней, – а по-настоящему: проходили неделя за неделей, но его не было. В полиции приняли мамино заявление, однако поскольку Миша частенько тусовался с наркоманами, то и искать его никто не искал.

Мама то хоронила брата, то вдруг видела среди толпы прохожих, то получала таинственные знаки, что он вот-вот вернется.

В те времена у меня и в мыслях не было поставить слова матери под сомнение. Раз она утверждала, что Мишка являлся ей во сне, значит, так оно и было.

Потом соседка Зина отвела маму в церковь, и там ей рассказали, как нужно правильно молиться, чтобы сын нашелся. Мама молилась, молилась, и через год нам позвонили из липецкого отделения полиции и сообщили, что нашли Мишку в каком-то притоне. К тому времени ему уже исполнилось восемнадцать и он был конченным наркоманом. Так что маме опять пришлось привлечь отца, чтобы поместить Мишку в реабилитационный центр. Брат вышел оттуда, пожил немного с нами и снова сорвался. Украл у матери золотой браслет и свалил. Вот так с того времени и пошло.

Мишка пропадал, его искали, находили, лечили, возвращали домой, а через некоторое время он опять пускался в бег. Только после второго раза отец объявил, что он не обязан давать деньги на Мишкино лечение, раз тот уже совершеннолетний. А мама работает в детском садике, и зарплата у нее совсем небольшая. Поэтому вся наша жизнь свелась к откладыванию денег на больницу для Миши.

Постепенно мама ушла с головой в церковь и стала очень религиозной. Она считала, что, кроме ее христианского бога, Мише никто не поможет, молилась без устали и приучала к этому меня. Ведь, если молиться вдвоем, вдвое увеличивается вероятность того, что Бог нас услышит, а значит, быстрее поможет Мишке.

В пятом классе я впервые понял, что одноклассники считают маму сумасшедшей. Об этом прямым текстом заявил Гоша Титов, когда нам на истории рассказывали про фанатиков старообрядцев, которые так сильно верили в бога, что сжигали себя. Было очень сложно пред-

ставить, что человек может захотеть добровольно себя поджечь. Поднялось шумное обсуждение, и учительница, чтобы прекратить бедлам, коротко пояснила:

– Считайте, что они были сумасшедшими.

– Как мама Филатова? – выкрикнул Гоша, и все засмеялись.

Учительница сделала ему замечание, а я так растерялся, что не сразу сообразил, о чем это он. Но потом понял и подрался с ним на перемене, потому что он отказывался брать свои слова назад.

Однако Гошина старшая сестра училась в восьмом, и на следующий день парни из ее класса заловили меня и пригрозили утопить в унитазе, если я еще раз посмею тронуть Гошу. А после наперебой стали твердить, что моя мама сумасшедшая и я просто должен это признать. Они дразнили, но я повелся и, не выдержав, сам набросился на них с кулаками.

Быть может, не случись этого тогда, в дальнейшем все сложилось бы совершенно иначе.

Репутацию чудака заработать очень легко, особенно в школе, – достаточно кому-то сильному и влиятельному объявить, что ты со странностями. Парни из класса Гошиной сестры не преминули это сделать, наградив меня ярлыком «мамкиного сына», чуть позже сменившегося на прозвище Святоша, но уже немного по другим причинам.

Линейка на стадионе перед школой вопреки ожиданиям проходит на удивление спокойно. Девчонка с колокольчиком у меня на плече такая хорошенькая и улыбчивая, что все смотрят только на нее, и я прикрываюсь ею, как щитом. Даже когда она заканчивает оглушительно звонить прямо над ухом, я не опускаю ее на землю перед школой, как это делал на репетициях, а несу до самого крыльца.

После отправляюсь прямым ходом в класс русского языка и литературы, занимаю свое коронное место на последней парте возле окна и достаю телефон. Я свою миссию выполнил, теперь имею полное право восстановить нервные клетки парой новых треков, чьи релизы слили в Сеть двадцать минут назад.

У беспроводных наушников есть одно очевидное преимущество: если сидеть, подперев голову ладонью, то наушник в одном ухе заметить невозможно. А поскольку первый урок первого сентября – это бессмысленная болтовня классной о каких-то общих воспитательных вещах, нет никакой необходимости прислушиваться и можно спокойно добить рерайт статьи о пешем туризме, за который, вместе с двумя другими статьями, мне должны заплатить две с половиной штуки.

Вообще, учусь я хорошо. И сижу на последней парте просто в качестве протеста против стереотипов, ну еще и потому, что терпеть не могу, когда что-то происходит у меня за спиной.

Класс быстро заполняется. Я мельком оглядываю входящих одного за другим. Каждый немного изменился. Кто-то стал выше, кто-то постригся, кто-то оброс, Ляпин покрылся прыщами, тот самый Гоша Титов отпустил бороду, а его бессменный кореш, дуболом Журкин, еще сильнее раскачался.

Такие же как раньше, но немного не те.

Я с ужасом ловлю себя на мысли, что как будто даже немного рад их всех видеть. Нелепая, малодушная мысль. Отгоняю ее побыстрее: в очередной раз наступать на те же грабли я не намерен. Всякий раз, когда мне начинает казаться, будто между мной и всеми этими людьми нет никакой пропасти отчуждения и взаимного неприятия, обязательно происходит что-нибудь нехорошее.

– Здоров! – Больно шлепнув по спине, Гальский по-наглому занимает место рядом.

Мне без разницы, с кем сидеть. Гальского в классе тоже не любят, но это вовсе не повод дружить с ним. Я не из тех, кто сбивается в стаи. Я сам по себе. Да и Гальский мне нравится не больше прочих. Но в прошлом году я как-то по глупости помог ему с контрольной по физике, и с тех пор он возомнил, будто мы друзья.

– Слышь, Глеб, – он наклоняется к моему уху, и меня обдает запахом банановой жвачки, – а ты уже знаешь, что Макаров умер?

– Как умер?

Информация плохо укладывается в голове, потому что совсем недавно я видел Макарова живым и здоровым.

– Жанна, наверное, сейчас про это объявит, – Гальский очень доволен тем, что принес мне новость первым.

– Что же с ним случилось?

Макаров был моим самым заклятым врагом. Я его ненавидел, но сейчас все равно встретился. В нашем возрасте люди не умирают просто так.

– На мотике расфигачился, – охотно выкладывает Гальский. – Он и Алиска. Укурились и на встречу выехали.

Лицо Гальского широкое и жирное, а нос, рот и глаза маленькие. Он вечно напоминает мне рожицу эмодзи. В этот раз ту, что с многозначительным взглядом.

– Оба насмерть.

– Ясно.

Радоваться чьему-то горю, а тем более смерти – грешно. И хотя я неверующий, мне немного стыдно за чувство облегчения, накатившее потому, что отныне я избавлен от ежедневного террора и измывательств Макарова. Но Алиску по-настоящему жалко. Алиска была «ашкой» и начала встречаться с Макаровым в конце десятого класса. Макаров считался у нас в школе крутым, и Алиска явно на это повелась, потому что раньше была вполне адекватной и с ней иногда можно было даже нормально поболтать.

– Бог все видит, да?

Гальский не подкалывает, а смотрит заискивающе. Ему хочется наладить контакт, вот он и несет этот бред в надежде на одобрение.

Я неопределенно пожимаю плечами. Пусть думает, что хочет.

Я уже давно научился избегать подобных разговоров и не произносить вслух то, что думаю на самом деле. С Румянцевой, правда, утром вышел прокол, но это потому, что за лето я немного расслабился.

Приходит Жанна Ильинична, наша классная, и, как и предполагал Гальский, начинает урок с известия о Макарове и Стрельниковой. Все охают, ахают, ужасаются. Жанна сообщает, что похороны уже состоялись, но, если мы соберемся всем классом съездить к ним на могилы, будет очень здорово. И что нужно обязательно организовать вечер их памяти. Начинаются обсуждения, где и как это устроить. Класс гудит, известие ошеломило всех.

Потом, кое-как справившись со всеобщим возбуждением, Жанна читает короткую лекцию о вреде наркотиков. Но ее никто не слушает. Все вспоминают, когда видели Макарова в последний раз и что он им говорил.

Рерайт статьи не идет, я никак не могу сосредоточиться.

Макаров был ужасным человеком, стоит честно признать это, но мне было бы гораздо проще принять его смерть, если бы я убил его собственными руками.

Конечно, опираться на понятие кармы проще, это почти как признать, что «Бог все видит». Плохие поступки влекут за собой соответствующие последствия. Но выходило так, будто в этом вопросе я перевесил решение своих проблем на карму или на бога, а мне это не нравилось. Именно на такое уповала моя мама, а я был с ней в корне не согласен.

Весь день все только и обсуждают случившееся с Макаровым, так что к концу занятий от этой темы меня уже порядком тошнит. Но это все же лучше, чем если бы они прикалывались по поводу моего выхода на линейке.

На первом этаже в школе поставили два портрета в траурной рамке. Саши Макарова и Алисы Стрельниковой. И все цветы, которые учащиеся принесли на первое сентября, перекочевали на стол, где были выставлены эти фотографии.

Перед тем как уйти из школы, я задерживаюсь возле них.

«Пути Господни неисповедимы», – сказала бы мама. А я считаю, что Макаров просто debil и сам во всем виноват, так же как и Мишка, только брат, если захочет, еще может спастись, а Макаров уже не спасется.

Глава 2. Нелли

Яркое, почти летнее солнце заглядывает в окно, скользит по зеркалу и настойчиво светит в глаза, вызывая слезы и желание чихнуть. В воздухе витают ароматы духов и ванильной выпечки, за стенкой в сто двадцать пятый раз звучит тупая песенка из старого мультфильма и раздаются вопли мелкого племянника.

Мама фальшиво подпевает навязчивой мелодии, размахивает расческой, как микрофоном, забавно пританцовывает и громко хохочет, изображая веселье, а я предпочитаю на нее не смотреть. Начало учебного года. Так себе праздник.

Волнение дрожью проходится по телу, клубком сворачивается где-то в районе желудка и давит. Мне не хочется в школу, но от нее не спастись, даже если вцепиться в полу маминого халата и умолять.

– Вот так. А теперь финальный штрих!

В отражении возникает пышный капроновый бант, усеянный стразами. Обреченно наблюдаю, как мамины пальцы, украшенные кричащим маникюром и дешевыми кольцами, проворно вплетают его в тонкую светлую косичку.

– Готово. Полюбуйся, какая красивая, правильная девочка!..

Хоть я и решила последовать мамину совету и измениться, но разделить ее энтузиазм все равно не могу: блузка, форменная юбка, минимум косметики любого вгонят в депрессию. Скучная среднестатистическая серость в полный рост. Эту свою ипостась в обычных обстоятельствах я тщательно скрываю и оберегаю.

Мама ловит мой скептический взгляд и, мечтательно закатив глаза, опережает любые возражения:

– Не волнуйся! Вот увидишь: ребята тоже стали другими. В вашем возрасте время течет по-иному! За лето появились новые интересы, да и ты начинаешь учебный год с чистого листа. Старые обиды покажутся вам сущей глупостью, о них никто и вспоминать не захочет...

– Ну, допустим... – бурчу под нос, сдирая с ногтя черный лак.

Вдруг она права, кто знает? И нежный блонд, отсутствие макияжа и доброжелательная улыбка чудесным образом превратят меня в красу и гордость школы. Конечно, одноклассники не захотят бросаться бумажками в такую девушку и всячески доставать ее. В конце концов, удалась же подобная метаморфоза Людочке Орловой, в пятом классе внезапно превратившейся из тихой простушки в самую красивую девчонку в параллели.

Дверь бесцеремонно распаивается, в проеме показывается взлохмаченная голова старшей сестрицы, ее идеальные нарисованные брови ползут вверх:

– Мам, ты просто волшебница. Нелька, отлично выглядишь! Похожа на человека.

– Спасибо, Алиночка! – сияет мама, собирая в футляр расчески, ножницы и средства для укладки.

– Всего лишь похожа?..

Я не успеваю разнести сомнительный комплимент в пух и прах: с жалобным стуком на пол летят коллекционные Барби, восстановленные мною и готовые к отправке покупателям. Вездесущий племянник Борис – порождение хаоса десяти месяцев от роду – давно облюбовал мои стеллажи в качестве объекта вандализма и при любой возможности со скоростью молнии прорывается к ним.

Мама и Алина виновато переглядываются и бросаются устранять беспорядок – отбирают у орущего Бореньки растерзанную куклу Киру, кое-как усаживают ее обратно на полку и пытаются привести в божеский вид.

– Выйдите. Все! – прошу я как можно мягче, но получается все равно грозно.

Я содержу свой восьмиметровый мирок в идеальном порядке и вторжений в него не пере-ношу.

Убеждена: все наши беды от бардака. Стоит хоть раз пропустить уборку, и он полезет из всех углов и щелей, накроет с головой и окончательно поглотит, лишив способности ясно мыслить.

Изо дня в день методично сметаю несуществующую пыль, полирую поверхности, протираю зеркало. Только этот ритуал помогает выжить в тесной квартире, заполненной разноцветными шмотками, китайскими сувенирами, бижутерией, детскими игрушками, запахами сладкого фруктового парфюма, подгоревшего молока, выкуренных тайком сигарет, воплями Бореньки и нескончаемой болтовней моих дражайших родственников.

Мама и Алина похожи как две капли воды, наступают на одни и те же грабли и понимают друг друга без слов: в девятнадцать мама родила Алину, в том же возрасте у Алины появился Борис, обе принципиально не привязывали к себе отцов своих детей и, в отличие от меня, нисколько не переживают из-за слухов, курсирующих по городу.

А вот я была бы совсем не против знакомства с папашей: есть подозрение, что инопланетная странная внешность и тараканы, населяющие мою голову, достались мне по наследству именно от него.

Чертыхаясь, оцениваю повреждения Киры – платье придется шить заново. Займусь этим сразу после школы. Если останусь жива.

Я глубоко вдыхаю и не могу надышаться, смотрю на часы, потом на свое подозрительно бледное отражение в зеркале, вешаю на плечо рюкзак и, плотно прикрыв дверь – границу зоны комфорта, – ковыляю в прихожую.

В успех маминой затеи верится слабо: я с пятого класса слышу отбитым фрикком и за одиннадцать лет так и не стала в школе мало-мальски уважаемой личностью. С легкой руки Орловой моя жизнь превратилась в ад, а я – в его исчадие. Она постоянно вопила, что я уродина, приклеивала мне на спину прокладки, обзывалась и подставляла подножки, а я подбрасывала в ее сумку дохлых пауков, демонстративно поправляла неправильные ответы, давала сдачи в драках.

Но на ее стороне был численный перевес: никто из тупого стада, именуемого классом, не пожелал перейти на мою сторону.

И вряд ли бантики с оборочками заставят одноклассников отринуть неприязнь, раскрыть радушные объятия и принять меня как свою.

Плевать: маскарад затеян не для них. И даже не для успокоения мамы, неоднократно посещавшей директора по причине моего внешнего вида и стычек с некоторыми вконец оборзевшими личностями.

Да, счастливой школьную пору не назовешь. Радует только, что наступил последний год моего одиночества и бессильной злобы.

* * *

Грохот развеселой музыки разносится над близлежащими дворами – торжественная линейка вот-вот начнется. С трудом переставляю ноги в тяжелых ботинках: будь мамина воля, она навязала бы мне туфли на изящном каблучке, но, к счастью, в нашем сумасшедшем доме не нашлось пары подходящего размера.

Я сворачиваю за угол, встаю у погнутого, наспех выкрашенного школьного забора и бесстрастно наблюдаю за великовозрастными детишками – они сбиваются в стаи согласно буквам, начерченным мелом на асфальте, по чьей-то странной прихоти разделяются на своих и чужих и даже не задумываются, что можно поступить иначе.

Судя по ужимкам и нарочито громкому гоготу, никто из них за лето не поумнел и не повзрослел.

Прищурившись, вглядываюсь в черно-белую толпу, разбавленную яркими пятнами роз, хризантем и подарочных пакетов, и наконец вижу высокую стройную фигуру Артёма Клименко. Он белозубо улыбается нашей классной Татьяне Ивановне, и весь его вид – прямая спина, идеально сидящий на широких плечах пиджак, манера держаться – безошибочно указывает на наличие в венах голубой крови.

Торжественный марш вязнет в ушах, басы отдаются болью в желудке. Поморщившись, прохожу в ржавую калитку и скрепя сердце плетусь к 11 «Б», хотя всеми фибрами души не желаю быть частью этой общности.

Я встаю за могучими спинами одноклассников, отрешившись от вдохновенных речей директора, рассматриваю Артёма и представляю, как он оглядывается, радостно приветствует меня, и факт нашего знакомства производит в этих нестройных рядах настоящий фурор.

Яркое солнце сияет медью в темных густых волосах, длиннющие ресницы обрамляют отливающие золотом глаза – он определенно хорош... Хорош настолько, что я обнаруживаю себя с открытым ртом и бьющимся через раз сердцем.

Я дергаюсь и чертыхаюсь, хотя мне не стыдно: так бы и простояла, любуясь этим совершенством, до окончания дней.

Мне никогда не нравились парни.

Нет, как и все девчонки, я вздыхала по героям книг, сериалов и аниме, – восхищаясь их умом, чувством юмора, бесстрашием или отороженностью, но реальные представители мужского пола не вызвали у меня никаких эмоций: ни поговорить, ни спросить совета, ни обсудить новости. Мы словно упали с разных планет.

Алина, однажды бесстыдно прочитавшая мой дневник, поставила диагноз «позднее заживание» и, отсмеявшись, заверила, что когда-нибудь я обязательно влюблюсь и пойму, насколько была глупа в своей категоричности. С тех пор я не веду дневников.

Но в середине августа у нашего дома остановился пылящий фургон, здоровенные грузчики, матерясь, перенесли мебель и многочисленные коробки в соседний подъезд, и представительный дядя, руководивший процессом, рассчитался с ними наличкой.

У Бори как раз закончились пюрешки, но мама и Алина прилипли носами к окну и явно не собирались в магазин. И ни одна из них не отреагировала на просьбу закрыть за мной дверь.

Сжав в кулаке пятачок и размахивая пустым пакетом, я сбегала по ступенькам вниз и замерла: у скамеек стоял еще один новый жилец – примерно мой ровесник – и задумчиво смотрел куда-то вверх, на кроны тополей, небо и солнце.

Парень как парень, разве что очень красивый.

Он перевел на меня взгляд, оценил мои шмотки, улыбнулся и одними губами прошептал: «Привет!»

Промычав в ответ что-то нечленораздельное, я позорно слиняла, но в душе поселился зудящий и ноющий интерес – он не отпускал, нарастал и в какой-то момент начал неслабо пугать.

Днями напролет сидеть на подоконнике и ждать внезапно стало жизненной необходимостью. А когда новый сосед показывался на улице и легкой походочкой спешил по своим неведомым, но явно волшебным делам, я превращалась в беспомощную муху, увязшую в сиропе.

Мы сталкивались во дворе еще трижды: каждый раз он одаривал меня широченной улыбкой, замедлял шаг, намереваясь что-то сказать, но так и не решился. Не решилась и я...

Алина, обладающая ведьминским даром считывать эмоции, расспросила молодых мамочек на детской площадке и, вернувшись с прогулки, как бы невзначай обронила, что в соседний подъезд заселилась семья из трех человек: Артём Клименко, его младший брат и мать. Что его родители развелись, и первого сентября он пойдет в мой класс.

Всю сегодняшнюю ночь, пялясь в темный потолок с отсветами фонарей, я ломала голову над этой информацией, но не определилась, что с ней делать.

Правда в том, что я изгой: в мире нет ни одной живой души, которой были бы интересны мои дела, мысли, мечты, планы.

Я не верю в любовь, дружбу и искренность и успешно отпугиваю от себя сочувствующих броским мейкапом и черными шмотками, поддерживая образ фрика и психопатки.

Однако мамины увещевания, что пора наконец превратиться в нормальную, положительную девочку, вдруг возымели действие: мне больше не хочется выглядеть отбитой. И выбывать из борьбы за внимание новенького, не поборовшись, я не собираюсь.

Раздаются жидкие аплодисменты, мелюзга высыпает к микрофонам и наперебой читает стихи. Артём совершенно расслабленно и чересчур мило общается с Миланой – той самой Людочкой Орловой, вместе с имиджем сменившей имя и без всякого труда убедившей всех, что теперь она другая личность, – что-то коротко шепчет ей на ухо, и она заливается обворотительным смехом.

Иголка болезненной досады вонзается в бок.

«У меня для тебя плохие новости... Она явно не понимает твои шутки, а смеется, потому что ты такой... такой...»

Я едва сдерживаюсь, чтобы не дернуть его за рукав, но отказываюсь от этой дурацкой идеи. Прошлый учебный год закончился эпичной дракой с Миланой, и я не знаю, что она выкинет, обнаружив мое присутствие.

Татьяна Ивановна по-матерински похлопывает Артёма по спине, кивает, и тот, кивнув в ответ, скрывается в толпе. А потом раздается нежный звон колокольчика, и мой новоиспеченный одноклассник появляется на площадке с нарядной первоклашкой на плече.

– Вот, мальчишки, берите пример с Артёма. Только перешел к нам, а уже удостоился такой чести... Еще бы: активист и спортсмен! Одерживал победы и занимал призовые места в областных и общероссийских соревнованиях!

Татьяна благоговейно улыбается и дрогнувшим пальцем поправляет оправу очков, умолчав, однако, что отец новенького, оставшийся в другом городе, занимает высокий пост, а его имя частенько мелькает в газетных статьях.

Если бы девочку нес на плече кто-то типа меня или Авдеева, страдающего паническими атаками, его бы затроллили и сделали героем мемов, но сейчас даже юморист Бобров захлопнул варежку и следит за каждым шагом Артёма с нескрываемым восхищением.

Солнце прячется за тучей, ледяной ветер насквозь пронизывает тонкую ткань блузки. Не хватает верной косухи, ее надежности и тепла, а полустертые воспоминания вспыхивают особенно ярко.

Когда-то давно, еще в детском саду, я побывала на школьной линейке Алины и была сражена этим действием – прямым как струна старшекласником, маленькой феей у него на

руках и вниманием, обращенным на них со всех сторон. Именно тогда у меня единственный раз в жизни появилась заветная мечта: вознестись над толпой, позвонить в медный украшенный ленточкой колокольчик.

Мама сказала, что такую привилегию нужно заслужить, и я усердно училась в нулевке – читала на время, тянула руку, рвалась к доске. Но что-то пошло не так, и в свой первый День знаний я, запрокинув голову, с тоской и обидой наблюдала за другой, более достойной счастливицей – Людочкой Орловой...

Примерно тогда я и заподозрила, что мир несправедлив, и с такими вот сияющими субъектами меня разделяет пропасть.

Доставшее всех мероприятие подходит к концу, Артём под бурные овации возвращается к классу, и всех нас строем ведут в храм науки. Плечусь в хвосте колонны и осматриваюсь: стены в коридоре приобрели тоскливый серый оттенок, резкий запах краски застревает в носу и, пожалуй, больше здесь ничего не изменилось.

Одноклассники с грохотом отодвигают стулья и рассаживаются, выбирая соседа по уровню интеллекта или месту в пищевой цепочке. Галерка свободна, и я стремлюсь поскорее ее занять – отсюда открывается отличный обзор на затылки и спины, и нет необходимости отвечать на докучливые расспросы или едкие замечания.

Но тут, на беду, меня обнаруживает классная, вместе с ней прозревает и остальная «общность»:

– Кузьмина... Здравствуй!

– И вам не хворать...

Слишком поздно понимаю, что проявила неуважение, но вздох Татьяны Ивановны тонет в искрометном (нет) юморе Вовочки Боброва и Паши Савкина:

– О, Кузя. А где твоя штукатурка? Не выдержала веса и осыпалась?

– Аккуратнее, братан: она бьет с левой. Как бы тебе в глаз не прописала.

– Да не, она смирная, когда пьет таблетки. Кузя, ты же не забыла их принять?..

Два идиота, считающих себя великими стендаперами, стукаются кулаками, и к потолку возносится их похожий на блеяние смех. Я скриплю зубами, но мило улыбаюсь, изображая, что шутка зашла. С сегодняшнего дня я другой человек: положительный, рассудительный и спокойный – под стать блузке и банту.

Артём вертит головой, пару секунд оценивает обстановку, и до меня вдруг долетает его до мурашек приятный, бархатный голос:

– А с тобой мы еще не знакомы. Как тебя зовут?

Он обращается ко мне, но не узнает. Или делает вид, что впервые видит. Снисходительно ждет ответа, но горло словно залили оловом. В повисшей тишине раздается противный мышинный писк, источником которого являюсь именно я:

– Не... Нелли...

– Как? – прищуривается он, и Милана, сделав невинные глаза, переводит:

– Нельма.

Все снова противно хихикают и в ожидания шоу поджимают губы.

Это прозвище намертво приклеилось к моей персоне в том же злополучном пятом классе, когда учительница, не подумав о последствиях, поручила мне доклад по окружающему миру на тему морских рыб. Потом нельма трансформировалась в щуку, в селедку, в рыбу-ведьму и наконец просто в ведьму, и я бы все отдала, лишь бы Артём этого не узнал.

– Очень приятно, Нельма... – кивает он, приняв слова Миланы за чистую монету, и дружный хохот едва не выламывает оконные стекла.

Новенький недоуменно таращится на ребят, а я умираю от досады и невыносимого, сжигающего все внутри стыда.

А что, если выкрикнуть ругательство – своим нормальным, громким и низким голосом, схватить с соседнего стула рюкзак, отвесить стерве оплеуху и, не оглядываясь на ор классной, опрометью выбежать из кабинета? Ведь я же могу. Могла.

– Не обращай внимания, она слегка не в себе!

Милана манерно поправляет прическу и, оставив в одиночестве верную фрейлину Анечку Кислову, пересаживается к Артёму. Утратив интерес к происходящему, мой краш переключается на общение с ней, а я беспомощно ковыряю лак, заусенцы, свою покрытую ранами душу...

Он что, правда меня не узнал? Или... понял, как тут ко мне относятся, и слился?

Участь фрика, странной девахи с устаревшим макияжем смоки айс, пятерками по всем предметам и тараканами в голове не изменит дурацкий белый бант. Но я верю: кошмар обязательно закончится, мне повезет, и все они сильно пожалеют.

Кто в себе не носит хаоса, тот никогда не породит звезды...

Накрапывает дождь, промозглый ветер забирается за шиворот, рюкзак, нагруженный учебниками, тянет к земле, усиливая ощущение усталости и безнадёги. Смачно харкаю под ноги, сдуваю с лица выбившиеся из косы патлы и спешу к родной пятиэтажной панельке.

Сбрасываю в прихожей ботинки и рюкзак, пролетев мимо притихших мамы, Алины и Бореньки, на поворот замка запираюсь в комнате и падаю лицом в подушку.

Этот ужасный день я еще миллионы раз буду вспоминать перед сном.

– Черт бы меня побрал! – рычу я. – Что со мной не так? Почему Милана снова так легко обошла меня и завладела моей мечтой?..

Рывком поворачиваюсь на спину, подношу к глазам телефон и безучастно листаю ленту новостей, но взгляд застревает на фотографии с чужой школьной линейки. Какой-то... сияющий, до изжоги идеальный парень, похожий сразу на всех книжных любимчиков, несет на плече девочку в белом фартуке, и что-то екает в груди. Но издевательская подпись: «Кто из нас не мечтал оказаться на их месте?» отрезвляет почище попавшего за шиворот льда и вызывает горькую усмешку.

Интернет стерпит все, и я не могу удержаться от комментария.

Глава 3. Глеб

Мама уже дома. У них в детском саду тоже отмечают первое сентября, и она главный человек на этом празднике, потому что работает музыкальным руководителем.

– Картошка остывает! – кричит мама в четвертый раз.

Ей хочется расспросить про линейку и «как все прошло», но об этом рассказывать нечего, а вот про Макарова придется сказать. И все начнется по новой, только дома: ахи-охи, причитания и слезы. Мама у меня вечно всех жалеет. Даже тех, кто этого совершенно не заслуживает. Таких уродов, как Макаров, или опустившихся типов вроде Мишки. Называет их заблудшими и сбившимися с пути. Молится за их души и ставит свечки. Но еще сильнее она жалеет их родителей и теперь наверняка всю ночь проплачет.

Поэтому я тяну как могу, в надежде, что, дожидаясь меня на кухне, она потеряет терпение и уйдет заниматься делами. От разговора все равно не отвертеться, но потом можно будет сказать, что я очень расстроен, и пораньше лечь спать.

– Милый, ты разве не слышишь, что я тебя зову? – Она тихонько заглядывает в комнату. – Почему ты не идешь обедать?

Мама у меня маленькая, щуплая, в обычной одежде похожая на девчонку-подростка. Но ужасные бесформенные юбки и платки, которые она постоянно носит, как это подобает верующим, превращают ее в старушку.

– Извини, – я поднимаю голову от телефона. – Тут дело одно важное. Ты не жди. Я сам все потом погреею.

– Что-то случилось? – В ее светло-серых глазах проскальзывает беспокойство.

– У меня все хорошо.

Я смотрю на нее прямо, пусть убедится, что не «лукавлю». Так она обычно называет мое нежелание о чем-либо рассказывать.

Но сейчас я точно не лукавлю, потому что лично у меня на самом деле все в порядке.

– Как прошла линейка? Как ты справился? Я так жалею, что не смогла пойти.

– Отлично прошла. Всем всё понравилось. Особенно я.

Она улыбается, понимая, что я шучу, но ответ ее устраивает.

– А фотографий нет? Может, кто-то снимал?

В глубине души надеюсь, что подобная глупость никому в голову не пришла, но на такое рассчитывать не приходится, ведь фотка одиннадцатиклассника с первоклашкой на плече – это самый топ. Да я и сам видел десятки направленных в нашу сторону телефонов и камер.

– Снимали, наверное. На школьном сайте потом вывешат.

– Как жалко, – мама тяжело вздыхает. – Мне так хотелось посмотреть. Может, у кого из ребят твоих есть?

Она так говорит «твоих ребят», будто я душа компании и у меня полно закадычных друзей.

– Ребята не могли снимать. Они же были в общем строю. С первоклашками и цветами.

– А их родители?

– Мам, ну какие родители в одиннадцатом классе?

По правде говоря, родителей было полно – и наших, и ашкиных, – но обращаться к ним за фотографиями я точно не стану.

– Ладно, пойду полежу немного. У нас такая суматоха сегодня была – потом тебе расскажу. Только еду, пожалуйста, погрей. Не ленись.

– Обязательно.

Немного выждав, я отправляюсь на кухню.

Под полотенцем на столе обнаруживаются котлеты, пюре и пиала с винегретом. Я тут же ощущаю, что невыносимо проголодался, и, стараясь не шуметь, накидываюсь на еду.

Мама готовит хорошо. Немного однообразно, но я не привереда. Спасибо и на том. Несколько лет назад, когда у Мишки случился передоз, она дневала и ночевала у него в больнице и просто наказывала мне поесть что-нибудь самому. Но тратить деньги на еду было жалко, я же знал, что нам нужно копить, вот и помогал ей. Откладывал и по-настоящему голодал. Сейчас уже понимаю, что был идиотом и моя голодная смерть Мишку не спасла бы, но тогда я казался себе истинным мучеником.

Однако моих жертв мама не оценила и, увидев накопленные деньги, рыдала два дня, обвиняя себя в том, что она плохая мать. Я даже хотел из-за этого утопиться в нашем местном пруду, но подумал, что тогда она будет рыдать еще сильнее, и передумал.

В соцсетях я сижу, как и все. Свои посты не пишу и о себе ничего не рассказываю. Но фотографировать мне нравится. Не себя, а то, что меня окружает дома или на улице. Природу, предметы, людей. Есть в этом некое волшебство: отыскать ракурс, с которого мир выглядит прекрасным. Многие люди живут и не знают, что на все вокруг можно смотреть совершенно по-разному: слева, справа, напрямую, немного присев или, наоборот, приподнявшись, взять объект съемки крупнее или отойти подальше. Главное, найти тот мир, который приятен именно тебе.

В друзьях в ВК у меня числятся двадцать семь человек. Десять из них боты, половина которых стали собачками. Четверо ребят и девчонок с дачи. Трое старинных сетевых друзей со странными никами – с ними мы иногда переписываемся ни о чем. И десять из школы, включая нашу англичанку Марию Николаевну, которая просит всех учеников на нее подписываться.

Поэтому, обнаружив уведомление, что меня отметили на фото, я сильно удивляюсь и немного торможу, прежде чем перейти по ссылке.

Впрочем, загадка раскрывается быстро. Как я и предполагал, моя сиюминутная слава не заставила себя ждать.

На фото я и девочка с колокольчиком у меня на плече.

Я редко выхожу удачно на фото, но здесь, хотя часть моего лица и оттенена кружевами белого фартука первоклашки, выгляжу как модный актер или блогер на красной ковровой дорожке. Такое фото и маме показать не стыдно.

К тому же пост, к которому прикреплена фотография, вопреки ожиданиям, обходится без глума и приколов. Он состоит всего из одной фразы: «Кто из нас не мечтал оказаться на их месте?»

Этот паблик называется «Времена, нравы и мы» и посвящен отдельным эпизодам из жизни обычных людей, городским пейзажам и уличным животным.

Как туда попала наша фотка, неясно, но в паблике семьдесят тысяч подписчиков, так что прислать ее мог кто угодно. Я почти уверен, что автор – один из многочисленных родственников Аси, первоклассницы, которую я нес.

На фотографии мы оба получились здорово, и я рад, почти счастлив, а читая комментарии, испытываю нечто похожее на гордость – до тех пор, пока не натыкаюсь на замечание некой Nelli:

«Клоунада для ботанов».

Обычно я на подобное не реагирую, но злость Nelli непонятна, и становится немного обидно. Где это она углядела клоунаду?

«Спорим, ты мечтала потрясти колокольчик, а тебя забраковали?» – пишу я первое, что приходит на ум, и получаю дерзкий, провоцирующий ответ:

«Спорим, ты понятия не имеешь, о чем я мечтала?»

Раскрываю ее профиль. На аве пара здоровенных ботинок, а в фотоальбомах всякая всячина. Почти как у меня. Житейские красоты сквозь призму личностных заморочек. Как знакомо!

«Отсутствие собственных фоток – явный признак социофобии, – со знанием дела ставлю я диагноз. – Ты мечтала о популярности. Но не сложилось». Последнее, конечно, не очевидно, но как вариант – вполне прокатит. Я пишу это просто так, от нечего делать, и жду, что она ответит нечто в том же духе, потому что у меня страница закрытая и этим тоже можно попрекнуть. А акк моей собеседницы скорей всего фейковый.

Я развлекаюсь, но она вспыхивает неожиданно резко:

«Школьная популярность – показуха и фарс для баранов вроде тебя».

Я, конечно, первый перешел на личности, но оскорблений себе не позволял и вообще уже не уверен, что Nelli – особа женского пола. Шутников, переписывающихся от девчачьего имени, в Сети хоть отбавляй.

«Спорим, ты завидуешь этой девчонке и потому такая злая?» – я нарочно делаю акцент на «злости» и смеюсь в ожидании реакции. Ведь когда разозлившемуся человеку говорят, что он злится, то это выводит его еще сильнее.

«Чему завидовать? Тому, что ее лапает озабоченный ботан?» Точно. Уловка сработала. Сначала я радуюсь, что зацепил оппонетку, и только потом до меня начинает доходить, о чем она вообще пишет.

Снова разглядываю нашу фотографию. Ну да, одна моя рука придерживает Асю за попу, вторая крепко сжимает бедро с другой стороны, но иначе я бы ее не удержал. Мы на репетиции пробовали.

Комментарий тупой, в духе Румянцевой, так что теперь возмущен уже я. Но это не злость, а скорее негодование:

«Что за дичь? Озабоченная ты, раз увидела такое».

«Нужно быть слепой, чтобы не видеть, как этот парень пытается засунуть голову девочке под юбку».

Кровь приливает к затылку. Бред, да и только. Чокнутая девица, или не девица. Но полюбому она очень зря это написала. Если эти комменты прочтет кто-то из нашей школы, то, с учетом моей репутации, эта тема раздуется до грандиозных масштабов.

«Он прикрывается ею от солнца», – не придумав ничего лучше, поясняю я.

Но Nelli, похоже, не дура и сразу соображает, что к чему.

«Вот прикол! Значит, это ты на фотке? Все ясно».

«Что тебе ясно?»

«Что ты не только озабоченный ботан и баран, но и лузер. Ведь только лузеры оправдываются в интернете».

Больше мне не забавно. Собрав волю в кулак, я вызываю к собственным выдержке и благоразумию.

«Можешь считать меня кем угодно, но я, по крайней мере, не хожу по пабликам и не хейчу людей из-за собственных комплексов».

«Комплексы? А что это?»

Чувствуется, что она пребывает в боевом настроении и собирается продолжать препираться. Что-то в моих словах задело ее, и я, возвратившись в начало, перечитываю нашу переписку, а потом отвечаю:

«Комплексы – это когда трусливо поливаешь грязью реального человека с фейкового акка и радуешься, что он о тебе ничего не знает, потому что в офлайне ты никому не нужна и ничего собой не представляешь».

Получается жестко, я не то чтобы хотел именно так, но не раскаиваюсь. Таким, как она, полезно призадуматься.

«Я не фейк, и у меня все хорошо», – на этот раз оправдывается она. Значит, я угадал.

«Если ты не фейк, то мне жаль тебя. У тебя нет настоящей жизни. Друзей или родных. У тебя даже котиков в ленте нет. Спорим, ты лежишь в больнице, тебе плохо и ты ненавидишь весь мир?»

«Что за чушь?»

«Ты сидишь в тюрьме?»

«Открой свой профиль! Посмотрим, чем ты сможешь похвастаться».

«Ради тебя? Ну уж нет».

«Испугался? А так красиво болтал про комплексы. Я тебе по одним аудио диагноз поставлю».

«Скинь свою фотку, и я подумаю».

«А вот сейчас ты уже оборзел».

«Нет, ну а что? Как по мне – справедливо. Ты знаешь, как я выгляжу, и поэтому прицепилась, а я тебя не видел и не понимаю, стоит ли тратить на тебя свое время».

Вот тут-то она и взрывается. Пишет какие-то гадости, посылает меня, обзывает, но потом вдруг удаляет все свои комментарии в ветке и исчезает из Сети.

Пюре остыло, а котлеты я не заметил, как съел. Даже обидно, будто их и не было. Доскребаю винегрет и, помыв посуду, возвращаюсь к себе в комнату. Рерайт занимает около часа, после отправляю статьи заказчикам. Встает мама, зовет пить чай, но я вспоминаю про Макарова и отказываюсь. Чем позже она о нем узнает, тем лучше.

После перепалки с Nelli во мне бродит непонятный нерв, а потом вдруг накатывают угрызения совести. А вдруг она инвалид или калека? Может, у нее на самом деле одинокая и несчастная жизнь? Я ничего не знаю о ней, а значит, нечего навешивать ярлыки и говорить то, что я выдал в запале. А что, если у нее случилось несчастье? Или период реабилитации? Мишка в подобные моменты тоже очень злой. Просто так, на всех. И ему нужна поддержка, а не критика.

Мне становится вконец стыдно – до такой степени, что перехожу на все еще раскрытую вкладку с ее страницей и пишу сообщение:

«Извини, если обидел. Ничего личного. Если хочешь, добавляйся в друзья. Посмотришь профиль. Своих фоток у меня тоже нет, но ты и так знаешь, как я выгляжу».

Спустя полчаса Nelli возвращается в Сеть, читает мое послание, однако отвечает не сразу. После все же снисходит:

«На идиотов я не обижаюсь, а в друзьях ты мне не сдался. Я тебя знать не знаю, и на профиль твой плевать».

Она снова лезет в бутылку, а я ругаю себя за то, что каждый раз попадаю в дурацкое положение, пытаюсь оправдать поступки людей. И решаю ничего больше не отвечать. Закрываю страницу с ботинками и с обреченным видом плетусь на кухню рассказывать маме о Макарове и Алисе.

Вечер предстоит не из легких.

Глава 4. Нелли

– Придурок! Да твое самомнение не влезет в грузовик!

Я в сердцах швыряю телефон на тумбочку и закрываю глаза. Злость все еще пощипывает кончики пальцев, но способность мыслить здраво потихоньку возвращается: я нагородила невесту что незнакомому человеку. Мама права: у меня огромные проблемы с контролем гнева.

Ума не приложу, как этот ботаник сумел задеть меня за живое, – неужели пара десятков фото с небом, серыми многоэтажками и моими выдавшими виды ботинками могут настолько сильно рассекретить личность?

«Спорим, ты мечтала, а тебя забраковали...»

«У тебя даже друзей нет...»

– Ну конечно же. Зато у тебя, выскочки, наверняка целая куча прихлебателей!

Поднимаюсь с дивана, тщательно разглаживаю складки на пушистом пледе и бесцельно прогуливаюсь от окна к двери и обратно. Ну и пусть у меня нет реальной жизни. Да и откуда ей взяться? Все, кого я знаю, находят компашки по интересам либо в школе, либо во дворе. В нашем дворе живут одни бабки. Появился Артём, да и тот...

Снова хватаюсь за телефон, но тут же его откладываю. Такие придурки, как этот тип из интернета – с внешностью хорошего парня и приторной улыбочкой, – вращаются в высших сферах, и проблемы простых смертных им неведомы. В реале он бы состряпал брезгливую физиономию и демонстративно прошел мимо.

Но он хотя бы извинился, так что... пускай живет.

К тому же спор с ним отвлек меня от ужасающего школьного провала: я так увлеклась состязанием в остроумии, что позабыла о медовых глазах и длиннющих ресницах Артёма, однако теперь наваждение возвращается, давит на горло и мешает нормально дышать.

Как ни крути, опозориться не входило в мои планы, но когда это жизнь шла по плану?..

Снимаю ненавистные блузку с юбкой и прячу подальше – в глубины платяного шкафа, влезаю в растянутую футболку и, плюхнувшись на крутящийся стул, выдвигаю верхний ящик выдавшего виды стола. В нем сотнями пошлых кричащих оттенков переливаются лоскуты ткани, мотки ниток, клубки и тесемки, стеклярус и бисер.

Вооружившись тяжелыми портновскими ножницами, вырезаю из лилового атласа детали нового платья для несчастной куклы и старательно сметываю. Тревоги и проблемы отлетают на десятый план.

Реставрацией игрушек я занялась в раннем детстве – уже и не помню, по какой причине. Мне нравилось склеивать сломанные детали из пластика, приглаживать всклокоченные искусственные волосы, чинить одежду. Позже я начала менять куклам макияж, стиль и прически, создавая новые личности. Возможно, это происходило потому, что безучастные красотки с глупыми глазами казались похожими на маму, и мне отчаянно хотелось наставить их на истинный путь и вразумить.

Если быть до конца откровенной, своего увлечения я стыжусь – слишком уж оно выбивается из моего темного образа. Однако в прошлом году обнаружилось, что реставрация может приносить неплохие деньги: если купить по объявлениям редкую старую Барби и привести в божеский вид, коллекционеры ее с руками оторвут. Теперь я могу позволить себе по-настоящему крутые шмотки, косметику и походы в кафе, а еще – незаметно подкладывать деньги в мамин кошелек (хотя она определенно догадывается о природе их возникновения и, обнаружив пару лишних тысяч, становится сентиментальной).

Я нанизываю на иголку сложенную вдвое ткань, но успокоиться все равно не получается: обидные слова придурка из Сети и полный недоумения взгляд Артёма всплывают в памяти, и я чертыхаюсь, уколов палец.

Мое взаимодействие с парнями из школы всегда сводилось к ожиданию подвоха и ожесточенным перепалкам, с ними я умею лишь краснеть или огрызаться. Впрочем, сегодня общения хватило с лихвой, но оба собеседника оказались ничуть не лучше какого-нибудь Боброва: сразу же раскусили меня и слились. Только один деликатно промолчал, а второй...

Телефон раздражается противным жужжанием. Можно не проверять: ожил классный чат – не тот, где «сливки общества» сплетничают и дружат против кого-то (и где меня нет), а официальный, созданный, когда мы были еще первоклашками. Большую часть времени он позабыт-позаброшен и покрыт пылью и паутиной, но по праздникам пополняется дурацкими картинками, стихами и роликами.

Короткие оповещения не прекращаются, и любопытство берет верх. Я тянусь к своему верному чуду техники в чехле с белыми черепашками и обнаруживаю на экране новый диалог.

Как ни странно, начала его Милана:

«Ребята, родители до завтрашнего вечера в отъезде. Предлагаю собраться у меня. Выпивка, вписка, культурная программа – как всегда, на уровне. Кто за?»

Далее следуют многочисленные восторги и единодушная поддержка начинания: кто-то уточняет адрес, кто-то обещает принести спиртное и кальян или привести друзей.

Странно, что мои одноклассники обсуждают предстоящую тусовку именно здесь, но, вообще-то, мне наплевать. Не хожу на их посиделки, потому что опасаюсь умереть от скуки или сломать зубы, сжимая челюсти от лютого испанского стыда за этих идиотов.

С тоской листаю все прибывающий поток сообщений и вдруг натываюсь на короткое: «Я в деле». С фотографии контакта широко улыбается Артём, и к щекам приливает жар.

Так вот на кого рассчитан спектакль. Он будет там.

Мысли опять теряют стройность и разбредаются, как глупое стадо:

«...Шансы не равны нулю, пока его не переманили в один из закрытых чатов и окончательно не промыли мозги. На пустое место не пялятся так, как он пялился на меня во дворе...»

Сжимаю и разжимаю кулаки, прогоняя нарастающее оцепенение. Я не муха в сиропе, не рыба-ведьма – я человек, и уж точно не самый последний.

Приглашение Миланы распространяется на всех, так почему бы не заявиться на их праздник жизни и самую малость его не подпортить?

Я откладываю иголку, задвигаю ящик и решительно выбираюсь наружу – в хаос заваленной хламом и детскими игрушками квартиры.

Алина, облаченная в атласный цветастый халатик, делает селфи на фоне безвкусных обоев в восточном стиле, но тут же поспешно прячет телефон в карман.

– Как прошло? – Она хватает меня за локоть: – Скажи, что Артём на тебя запал! Запал же?

Признаться в том, что не запал, я не могу, поэтому изображаю сильную и независимую женщину:

– Я миллионы раз говорила тебе: он мне не нравится! – С садистским удовольствием наблюдаю за разочарованным лицом сестрицы и освобождаю руку. – Есть жизнь и за пределами твоего понимания мира. Может, стоит раскрыть глаза?

– Пф-ф... – Алина обиженно надувает губы и демонстративно отворачивается.

Меньше всего на свете мне хочется обижать маму или сестру, но я постоянно задеваю их чувства. Хотя, справедливости ради, холодный душ здоровой критики им не повредит.

Тут же вспоминаю о причинах, побудивших меня выйти из комнаты, но сестра уже включила режим обиженного ребенка и не реагирует на просьбы. Приходится умолять:

– Ладно. Почти сработало: я иду на вечеринку к Людке Орловой. Он будет там, нужна твоя помощь. Систер, ну хватит дуться...

Из гостиной выглядывает мама, явно подслушавшая наш разговор:

– Вечеринка, говоришь? Значит, получилось и они все-таки тебя пригласили? Мама плохого не посоветует, не зря же она – стилист-парикмахер!

Разубеждать еще и маму никакого желания нет, и, видя гордость в ее серых глазах, я второй раз за день добровольно становлюсь подопытным кроликом: падаю в кресло перед огромным зеркалом и сдаюсь на милость профессионала.

Вообще-то, я и сама неплохо справляюсь: обожаю мрачные тона и черный цвет, шнуровки, чокеры, заклепки и оборочки. Где-то в глубинах памяти телефона хранится целая папка с фотографиями моих экспериментов над собственной внешностью.

Иногда, разглядывая их, я впадаю в ничем не мотивированную эйфорию и почти решаюсь выложить фото в Сеть для миллионов будущих подписчиков. Но потом, присмотревшись к губам странной формы, широко расставленным глазам, чересчур большому носу и веснушкам, признаю, что Милана права. Таких чучел еще поискать...

Спустя час экзекуция заканчивается: дражайшие родственницы откладывают расчески и, глядя на меня, стонут от восторга, цокая языками. Даже Борис перестает грызть резинового Спанч Боба и подозрительно разглядывает незнакомую тетку. Я не разделяю их воодушевления – платье из Алининого гардероба чересчур короткое, явно жмет в груди и вот-вот треснет на бедрах, аккуратные стрелки наверняка размажутся, а французская коса превратится в крысиный хвост: я из тех неудачниц, что не умеют себя нести.

«...Ты никому не нужна и ничего собой не представляешь...» – нудеж ботаника опять прорывается из памяти, и я трясую головой:

– Без тебя знаю...

Натягиваю любимую косуху и тяжеленные ботинки – они нарушают образ расфуфыренной идиотки, зато напоминают о моей истинной сущности и надежно удерживают на земле.

Мама увязывается следом и наконец применяет ко мне коронную фразу всех родителей:

– Неля, не болтайся одна по улицам. Возвращайся не позже десяти. Иначе...

– Карета превратится в тыкву... – бурчу я себе под нос и отваливаю.

Думаю, я буду дома гораздо раньше.

* * *

Особняк родителей Миланы расположен неподалеку – двадцать минут прогулочным шагом, и старый рабочий район сменяется аккуратно подстриженными лужайками и глухими заборами элитного пригородного поселка. Контрасты провинции: гимназий и частных школ в городе нет, поэтому здешние мажоры учатся вместе с простыми смертными.

Наша «звезда» Милана живет не в самом богатом, но вполне милом коттедже, о котором такие, как я, не могут даже мечтать. Сейчас уже не верится, что в начальных классах, когда мы еще не обзавелись социальными ролями изгоев, фриков, омежек, альфахей и королев, я часто захаживала к ней в гости, – мы играли в куклы, смотрели мультфильмы на огромном плоском экране, менялись карандашами и ластиками и, в общем... на самом деле, до пятого класса мы были лучшими подругами.

На красные черепичные крыши опускаются сумерки, где-то захлебывается лаем цепной пес. Со двора доносится уханье басов ультрамодного бэнгера, хохот и гул голосов.

Уняв глубоким вдохом мандраж, нажимаю на холодную кнопку звонка – за коваными воротами раздается мелодичная трель. Одна из створок распаивается, в проеме возникает Милана, ее и без того огромные, как блюда, глаза лезут на лоб:

– Ведьма? Какого лешего? А что это ты так вырядилась?

За плечом хозяйки вечера рисуется Артём, и та спешно меняет гнев на милость:

– Прошу к нашему шалашу...

Медовый взгляд парня чересчур надолго задерживается в районе моего бюста, и я не нахожусь с ответом: мозги свело.

– Ого, Кузя! У тебя, оказывается, сиськи есть!

Юморист номер два Паша Савкин нетвердой походкой ковыляет к дорожке и изображает округлость в районе груди, а его закадычный дружок Бобров, присвистнув, скалится:

– А почему в школу не надеваешь?

– Чтобы вы не перевозбудились, сопляки.

Артём, явно оценивший мою отповедь, снова пялится – то ли удивленно, то ли оценивающе, и из-под тяжелых ботинок уезжает вымощенная булыжником дорожка. Я ускоряю шаг и прохожу мимо. Отчаянно прислушиваюсь, но красавчик за мной не идет.

Вообще-то, заявившись сюда, я сильно рискую. Милана запросто может вцепиться мне в волосы или треснуть кулаком под дых, а одноклассники достанут телефоны, чтобы снять очередную эпичную драку, поделиться ею в чатиках и поугорать.

Замечаю пустую скамейку, окруженную огромными камнями и молоденькими туями, и быстренько ее занимаю – отсюда открывается прекрасный вид на происходящее, зато меня не видит никто.

С заходом солнца зверски похолодало и навалилась тоска по прошлому. В этом ухоженном, чистеньком дворе мы играли в прятки, перевязывали лапу бродячему псу, бегали наперегонки по узким дорожкам, смотрели на звезды, и маме стоило огромных трудов дозваться меня домой.

Но однажды Люда перестала отвечать на звонки и сообщения, пропала на пару недель, вспылала ко мне чистейшей, разъедающей ненавистью и превратилась в Милану.

Под навесом громадной террасы сияют желтыми огоньками гирлянды, длинный стол заставлен бутылками, банками, коробками от пиццы и пластиковыми стаканами, у изгороди дымится мангал и толпятся ребята – знакомые и не очень. Кто-то в сотый раз включил навязчивый рэп, перебравшие пива Вовочка и Паша, сграбастав в охапку пьяных девиц, устроили на газоне грязные танцы.

А ведь этот газон наверняка подстригал садовник... И людям из клининговой службы утром придется собирать с участка мусор.

Скучно. Нет, грустно.

Грустно до слез.

Потому что детство прошло, а стать сияющей феей с волшебным колокольчиком не получилось. Потому что школьная пора заканчивается, а у меня вообще ни черта не вышло.

Артём куда-то запропастился, ему нечего мне сказать, и все сильнее одолевает вопрос: какого лешего я тут делаю?

Кутаюсь в косуху, нашариваю в кармане телефон и некстати вспоминаю ботаника: наверняка уже спит и видит десятый сон. Долго выискиваю в списке сообщество «Времена, нравы и мы» и зачем-то рассматриваю ту самую фотографию – через нее пробиваются несбывшиеся мечты, а издевательская подпись под ней окончательно убеждает: мир ко мне несправедлив. И парень, сияющий на переднем плане, тоже.

Отвожу руку подальше и делаю фото: мангал, люди с бутылками, красное платье, ботинки... но лица не свечу. Вдруг он на самом деле извращенец и любитель всяких непотребств?

Рэп сменяется на медляк. Из ниоткуда появляется Артём – изящно поправляет волосы, болтает с восторженными девчонками, и свет далекого фонаря образует над его головой золотистый нимб.

Застегиваюсь под горло и покидаю скамейку. Нет у него никакого интереса. Было глупо сюда приходить и на что-то рассчитывать.

Лавируя среди разгоряченных парочек, пробираюсь к воротам, но теплая ладонь ложится на поясницу и вынуждает задержаться. Медовые глаза заглядывают в мои, и у меня на миг останавливается сердце.

– Все, я понял, кто ты... – Бархатный шепот Артёма щекочет ухо, и неведомая сила увлекает в параллельную реальность. – Прости, что не сразу узнал. Обычно ты... немного по-другому выглядишь. Раз уж мы соседи, будем друзьями?

Растерянно моргаю и еле слышно пишу:

– Давай...

– Потанцуем?

– Хорошо...

Огоньки гирлянд расплываются мутными пятнами, звуки музыки сливаются в фоновый шум. Настойчивая рука задает направление: то подталкивает, то отпускает, норовит опуститься ниже, но этого не происходит. Под ногами исчезает опора, мы парим в ночном воздухе.

Я всегда презирала рассказы Алины о многочисленных влюбленностях, а теперь сама вляпалась – и установки быть осторожнее не помогли.

– Что за парфюм? – шелестят у уха его слова, дыхание обжигает шею, но в следующий миг за шиворот заливается что-то ледяное и мерзкое.

Ахнув, прихожу в себя, и реальность распадается на пересвеченные кадры: мангал под крышей, зеленые туи, офигевших одноклассников, пристально наблюдающих за инцидентом, наполовину опустевший стакан с пивом в руках идиотки Миланы...

Судя по всему, его остатки прямо сейчас стекают по моей спине.

Артём отшатывается, с плохо скрываемой брезгливостью оглядывает ладони и озирается в поисках полотенца или салфетки. Мне холодно, противно и стыдно настолько, что хочется заорать.

– Споткнулась... – Губы Миланы растягиваются в поганой ухмылочке. – Но парфюм с нотками пива подходит тебе больше, нельма!

Эта тупица бесит до изжоги, ярость выжигает все внутри.

– А ты меняешь парфюм, когда вместо забитой Людки Орловой становишься Миланой?

Артём поднимает голову и прищуривается, и уязвленная «звезда» переходит на ультразвук:

– Вали отсюда, дочка шлюхи! Не приставай к гостям! Не видишь: с тобой никто не желает общаться!

Если бы взглядом можно было испепелить, я бы не задумываясь сделала это, но проснувшийся здравый смысл быстро приводит меня в чувство. Нужно остановиться, иначе соревнование за внимание самца доведет нас обеих до скотского состояния. Только мне, в отличие от Орловой, оно выйдет боком.

Разворачиваюсь на тяжелых подошвах и, от души грохнув калиткой, ухожу. Лязг железа и смех одноклассников еще пару минут звенят в ушах, а потом наступает тишина.

Фонари с переменным успехом отгоняют от дороги непроглядный мрак, но он все равно норовит выползти, настигнуть и наброситься со спины. От страха сосет под ложечкой.

В отражении ослепшей витрины давно закрытого универсама вижу себя – жалкую, потрепанную, но не сломленную. Хотя кого я обманываю?.. Сломленную. Настолько, что иногда кажется: избавление от страданий принесет только смерть.

Смачно харкаю под ноги и рычу, отводя душу:

– Ненавижу! Как же я вас ненавижу, придурки!

Окна в пятиэтажках давно погасли, на улицах безлюдно, лишь моя длинная тень извивается далеко впереди. По ней медленно проезжает красная спортивная тачка и, дребезжа и громяхая басами, тормозит у гаражей, а я охаю: неужто трусливый урод Серега – бывший парень моей сестры – вернулся в город?.. Надо бы позвонить Алине и огорошить ее сенсационной

новостью, но я не даю идее хода. Хватит с нее переживаний из-за этого недоумка с раздутым эго.

Прячусь в темноте подворотни и, прижавшись спиной к стене, переживаю опасность.

Ох, напрасно мама безоговорочно мне доверяет: домой я не приду ни в десять, ни в одиннадцать, ни в двенадцать. Потому что не смогу создать видимость радости и счастья.

Тысячи тонн черного космоса давят на голову: я одна. Совершенно одна... Одиночкам противопоказаны мечты и надежды.

«...Если ты не фейк, то мне тебя жаль. У тебя нет жизни...»

«Надо же, какие мы проницательные!.. Хорошо хоть, ты не обделен обожанием и любовью близких!» – Залезаю в злосчастный диалог и перехожу к профилю «Глеб Филатов».

Ботаник в Сети.

Шмыгаю носом, заправляю за уши волосы, выбившиеся из прически, и, выбрав самый удачный ракурс, делаю пару крупных планов. Как водится, макияж размазался, и нос распух от слез и холода, но я из принципа не буду накладывать фильтры и приукрашивать действительность.

Отправляю запрос дружбы и готовлюсь к мучительному ожиданию. Меня колотит, как перед выступлением на идиотском конкурсе чтецов, но занудный придурок практически сразу одобряет заявку, и я едва не роняю телефон в траву.

Опускаюсь на корточки и, закусив губу, пишу в личку:

«Я не фейк. Не в тюрьме и не больная. У меня есть жизнь. Прямо сейчас я развлекаюсь и гуляю по улицам. И не прячусь от мира за закрытым профилем».

Проставляю галочки возле сегодняшних фотографий, создающих видимость движа и моих модельных форм, и со странным злорадством нажимаю на значок «поделиться».

Глава 5. Глеб

Я люблю лето за то, что в нем есть дача. Чудесное место, где я – это совсем другой я.

Не такой, как в Москве – молчаливый чудак-одиночка, – а тот я, каким чувствую себя на самом деле: независимый, сильный и смелый.

На даче о Святоше никто не знает, там все зовут меня только Глебом и уважают.

Мама дачу не любит и уже много лет туда не ездит, поэтому я живу там один. Не совсем-совсем один, конечно, поскольку в большом доме, который мама сдает на лето, всегда кто-нибудь есть, но я обитаю на том же участке, только в бытовке, и при желании могу по несколько дней не видеть съемщиков. Могу гулять сколько влезет, ходить куда захочу и делать что вздумается. Для местных ребят я крутой и взрослый. В отличие от них, я много читаю и умею выдавать прочитанное за собственное глубокомыслие, а также частенько поддерживаю всякие их авантюры вроде ночного похода в заброшенный монастырь или вылазки в коровники.

Поэтому, когда мне становится совсем тошно, я просто открываю дачные фотки и бездумно листаю их, пытаюсь представить, будто я и сейчас там.

Сегодня вечером тошно. Как я и ожидал, из-за Макарова и Алисы маму накрывает истерика. Услышав новость, она сначала впадает в прострацию, переспрашивает по сто раз, пытается выяснить подробности, которых я не знаю, потом мечется, решив, что нужно позвонить их родителям, чтобы выразить соболезнования (из-за того, что мама работает в детском саду, она знает почти всех в округе), и уже после разговора с ними накручивается по полной. Достает мои школьные фотки с первого класса, выскидывает на них Макарова и, заливаясь слезами, громко молится за его упокое.

Обстановка не для слабонервных. Видеть маму такой невыносимо, а уйти к себе я не могу, потому что, если это вовремя не прекратить, у нее начнется паническая атака и все растянется на несколько дней. Она не сможет ходить на работу и будет названивать в реабилитационный центр, надумав, что Мишка находится при смерти. Мы уже такое проходили.

Приходится отпаивать ее травяным сбором и валокордином, хотя они на нее слабо действуют. Только притупляют сознание. Эффективнее всего подsunуть таблетку феназепама, но мама боится любых препаратов, считая, что они могут вызвать привыкание, поэтому соглашается лишь в особых случаях, когда сама понимает, что по-другому никак.

– Премилосердный Господи, услышь молитву мою за рабов Твоих Александра и Елизавету, по неисповедимым судьбам Твоим внезапно похищенным от нас смертью; пощади и помилуй претрепетные их души, призванные на беспристрастный Твой суд. Да не обличи их яростью Твоей и не накажи гневом Своим, но пощади и помилуй ради крестных страданий Твоих...

– Ладно, мам, хватит уже. Завтра сходишь в церковь, свечку поставишь и все будет норм.

– Что значит норм? – Ее бесцветные губы негодуяще дрожат. – Как так норм? Я не понимаю ни этого слова, ни твоего равнодушного тона.

– Просто от того, что ты плачешь, ничего не изменится, и от этих молитв никто не воскреснет.

– Зачем ты ёрничаешь? – смотрит с укором мама. – Ты прекрасно знаешь, что я молюсь о душах.

– Батюшка говорил, что скорбь не должна переходить в отчаяние, потому что этим ты ввергаешь их души в смятение.

– Это правда, – она шумно сморкается, откладывает фотографии и немного приходит в себя. – Но давай-ка и ты помолись.

– Мам, они нам никто. Ни друзья, ни родственники – просто какие-то типы из школы.

– Как ты так можешь? Это же дети!

Слово «дети» в маминых устах обладает особой святостью, и тут уж любые аргументы бессильны.

Вот только «дети» и Макаров – понятия друг с другом не совместимые.

Макаров был жестоким, циничным и равнодушным гадом, унижающим и использующим людей. Такие, как он, никогда не бывают детьми в полном смысле.

Их души, о которых так молится мама, испорчены с рождения.

Перед глазами встает его перекошенное злобой лицо, когда он бьет меня за гаражами. Я послал его при всем классе и не собирался извиняться. Мне очень больно, но, сцепив зубы, я вижу помутившиеся от остервенения глаза и наслаждаюсь его бессилием. Бьет он, а побеждаю все равно я. Так я всегда себе говорю, когда приходится терпеть.

– Погоди-ка, – мама настораживается. – Я вспомнила. У тебя, кажется, был с Сашей конфликт.

Ну слава богу, «вспомнила» она! А я и не надеялся. Пять лет макарковского террора и буллинга были для нее лишь «особенностями переходного возраста», причем моего. Так она объясняла причины моих прогулов директрисе.

Понятное дело, в детали так называемого «конфликта» я ее не посвящал, но, прекрасно зная, что я ненавижу Макарова всем сердцем, она все равно пытается взывать к моей человечности:

– Ты должен простить его, Глеб. Какие бы разногласия между вами ни стояли. Сейчас это особенно важно. Простить и самому попросить прощения. Скажи: я прощаю все, что нанесло мне обиду. Я прощаю все, что причинило мне боль, страдание и ожесточение...

– Пожалуйста, перестань. Я не собираюсь прощать Макарова!

– Очень тебя прошу, ради меня. Избавляясь от всякого рода злобы, мы очищаемся сами.

– Давай вместе посмотрим какое-нибудь кино? – предлагаю я. – Хочешь «Собаку на сене» или «Шербурские зонтики»?

Мама молча встает, наливает чайник и ставит его кипятиться. Отворачиваясь, она продолжает тихонько плакать, и я иду за новой порцией бумажных платков, а когда возвращаюсь, застаю ее с Мишкиным альбомом в руках.

Началось. Теперь она будет всю ночь его рассматривать и ругать себя за то, что «недоглядела» и «упустила».

– Ложись, пожалуйста, спать. – Я осторожно забираю у нее альбом. – Тебе сейчас это не нужно. Сегодня вообще праздник. Забыла?

И тут меня осеняет.

Быстро лезу в телефон, открываю фотографию с Асей на плече и сую ей под нос.

Трясущимися руками мама осторожно берет телефон, подносит к глазам и с тяжелым вздохом возвращает:

– А ведь Миша тоже мог бы стать таким.

– Но за меня-то ты хоть немного рада? – Тема Миши у нас всегда на первом плане, чего бы это не касалось.

– Конечно рада. – Но ее голос звучит бесцветно и равнодушно. – Ты красивый и счастливый. Не всем так повезло, как тебе. Кто-то и вовсе не дожил.

Она снова всхлипывает, и я чувствую, как начинаю закипать.

– Давай ты выпьешь феназепам?

– Ой, нет, что ты? Я с него потом несколько дней сама не своя.

– Давай-давай, – я открываю шкафчик с лекарствами и роюсь в пластиковой корзинке. – Тебе нужно успокоиться. Завтра дети в сад придут, а ты вся заплаканная и несчастная. Вот они обрадуются...

Это единственный аргумент, который всегда срабатывает. Для садовских детей мама самый веселый и позитивный человек на свете. Она с ними дурчится, поет песни, танцует

и говорит смешным голосом. Для них она мультяшный персонаж, а мультяшные персонажи плачут и грустят понарошку.

Дачные фотки помогают немного отвлечься и напоминают о том, что жизнь – это не только страдания и скорбь, но еще и лето. Которое, увы, только-только закончилось и до которого нужно пережить осень, зиму и весну.

Сообщение Nelli приходит настолько неожиданно, что не сразу вспоминаю, кто это.

Фотографии с какой-то вечеринки. Просто тусовка. Танцующие люди, шашлыки, нечто без фокуса и цели, лишь попавшие в кадр ботинки – те же самые, что и на ее аватарке, намекают на то, что эти снимки были сделаны осознанно, а не сработала автоматическая камера.

Что она пытается этим сказать, не совсем понятно. Должно быть, нечто в продолжение нашего с ней бодания.

Вроде бы и нужно что-то ответить, но настроение безвозвратно потеряно. Теперь мне самому стыдно за приторно-жизнерадостную фотку с линейки. И чего я так ей обрадовался? Даже мама посчитала, что некрасиво выглядеть столь благополучным.

Некоторое время размышляю о том, не написать ли админу паблика с требованием удалить снимок. «Показуха и фарс». Nelli права, на фото не я, а какой-то другой парень. Красивый и, как сказала мама, счастливый, а еще ботан, баран и лузер.

Что ж, пожалуй, сетевая тролльша разглядела меня лучше родной матери.

Красным колокольчиком загорается уведомление о подтверждении запроса на дружбу.

Я не против. Пусть ползает по странице. Время позднее, а небольшой сетевой срач – неплохое средство, чтобы сбросить дневной негатив перед сном.

Но сейчас я не в форме и не готов отбиваться. Станет наезжать, уныло приму все как есть, и дело с концом.

Однако неожиданно она пишет странное:

«Я не фейк. Не в тюрьме и не больная. У меня есть жизнь. Прямо сейчас я развлекаюсь и гуляю по улицам. И не прячусь от мира за закрытым профилем». Следом подгружается фотка с селфи. Яркая симпатичная блондинка с тонким носом и белой кожей. Волосы чуть растрепались и рассыпались по плечам, ресницы опущены, взгляд устремлен в телефон. Лицо у нее нежное, гладкое, шея тонкая, пухлые губы чуть приоткрыты. Девушка слишком красивая, чтобы я поверил в то, что это Nelli.

Но для выяснений не время. Я закрываю экран ноута, и меня обступает серая, угрюмая темнота. В квартире тихо, слышно только, как наверху кто-то смотрит телевизор. Мама, к счастью, спит, и я тоже уговариваю себя заснуть, но вместо этого долго лежу, уставившись в потолок, и думаю о том, как сложилась бы моя жизнь, не стань Мишка наркоманом.

* * *

Утро второго сентября такое же теплое и ясное, как накануне. На улице царит оживленная суета. Взрослые разъезжаются по работам, дети бегут в школу, малышей ведут в садик. Дворники скребут асфальт метлами, голуби греются на солнце, под ногами на дорожке замечают первый желтый лист.

– Святоша, стой!

Снова угораздило пересечься с Румянцевой. Немного замедляюсь, поджидая ее.

– Ты чего, обалдел? – Она оглядывает меня с ног до головы и хмурится: – В школе же траур! А на тебе белая рубашка.

– Ничего не знаю. – На самом деле я совершенно забыл, что Жанна Ильинична предупреждала насчет одежды.

– Не знаешь о трауре? – Она зло прищуривается. – Или, может, для тебя смерть Макарова – праздник?

– Восхищаюсь твоей проницательностью.

– Нет, правда, Филатов, признайся, ты же счастлив?

Еще одна. Похоже, летние каникулы придали моему лицу непозволительно расслабленное выражение.

– Счастье, Румянцева, – это деятельность души в полноте добродетели. Ты знаешь, что такое добродетель?

– Блин! Хватит выносить мозг своей церковной мутотенью.

– Добродетель придумали еще древние греки-философы.

– Тебя в белом в школу не пустят. Лучше вернись и переоденься.

– И не подумая.

Бесит, что Макаров вроде бы умер, а все равно из-за него кипиш.

Однако Румянцева оказывается права – завучиха на входе в школу, завидев мою белую рубашку, набрасывается с упреками, после чего, не дав опомниться, хватается под локоть и тащит к директору.

Не ожидал, что до этого дойдет. Директриса у нас молодая, но крикливая и взбалмошная. Захочет – раздует такой скандал, мама не горюй.

Внутренне я приготовился к худшему, однако, как только мы входим в кабинет и директриса вскидывает голову, завучиха тут же объявляет:

– Елена Львовна, я нашла, кто съездит на кладбище. Явился в белой рубашке. Совсем уже!

Директриса морщится, будто припоминает, как меня зовут. Глаза у нее воспаленные, красные. Похоже, тоже переживает.

– А, Филатов, хорошо. Поезжай тогда. Только сделай, пожалуйста, качественные фотографии – такие, чтобы не стыдно было на школьном сайте разместить. И обязательно с нашими венками. Понял? Там их много разных. Найди наши!

Через десять минут я, с трудом понимая, как меня угораздило, уже сижу в автобусе, направляющемся в сторону кладбища, где похоронили Макарова. Вот уж и правда, чем сильнее от чего-то бежишь, тем настойчивее оно преследует.

Дорога до кладбища занимает сорок минут, а нахожусь я там не дольше десяти.

Покупаю у бабушек две пластиковые гвоздики и оставляю их на могиле Алисы, а на холмик Макарова стараюсь смотреть только через камеру телефона, пока фотографирую. Не хочу ни думать о нем, ни вспоминать.

Но все равно, когда еду обратно и пересматриваю снимки, удаляя неудачные, невольно задерживаюсь на фотографии с большим школьным венком на фоне серой могильной плиты. А потом вдруг беру и, не преминув подписать: «У меня тоже есть жизнь», отправляю эту фотку Nelli, пускай полюбуется.

Глава 6. Нелли

Я продрогла до костей – пальцы не слушаются, а зубы стучат.

Тихонько поворачиваю в замке ключ, аккуратно составляю ботинки на обувной полке, вешаю косуху на золоченый крючок и на цыпочках пробираюсь в ванную.

В ней тепло и сыро, по зеркалу стекают струйки воды: видно, мама ждала меня и долго не ложилась спать, однако сейчас квартира погружена в благословенную тишину. Избавляюсь от тесного платья – оно воняет пивом, и я без сожалений забрасываю его в стиральную машину. Теперь понятно, почему такая одежда в почете у всяких извращенцев: носить ее – настоящая пытка.

Дрожа всем телом, встаю под горячий душ и наконец заново обретаю руки и ноги.

Согласна: просидеть полночи на пожарной лестнице, привинченной к стене заброшенного универмага, глупо. Но явиться в таком состоянии домой и наорать на маму тоже стало бы не лучшим решением.

Пусть думает, что я зависла в компании и потеряла счет времени. В самом деле, не признаваться же ей, что паялилась в темноту с россыпями холодных огней, шмыгала носом, с мазохистским удовольствием прокручивала в голове момент очередного эпичного позора и все сильнее погружалась на дно, с которого можно не всплыть.

Черт возьми, все складывалось так удачно!.. И сегодняшний танец – первый после неуклюжей попытки столетней давности, когда очарованный ботаник из седьмого «В» отдал мне все ноги, – был похож на сон.

Я бы все отдала, лишь бы Артём не слышал фразы этой разукрашенной стервы про мою мать, но беда в том, что Милана отчасти права: мама живет легко. А в небольшом городе оправдания вроде «я молода и свободна» не прокатывают и работают против тебя же.

Я кутаюсь в огромное махровое полотенце с изображением желтой уточки, крадусь в комнату и, плотно притворив дверь, натягиваю любимую безразмерную футболку.

Небо за окном светлеет с востока, предметы мебели в утренних сумерках кажутся ожившими великанами – мрачными, молчаливыми, скрывающими страшные тайны.

Заторможенные мысли похожи на обрывки снов, ноги становятся ватными.

Заползаю под плед, ощущаю блаженство и проваливаюсь в темный глубокий колодец.

* * *

Треель будильника раздается так скоро, что это кажется каким-то недоразумением, но, открыв опухшие глаза, я с прискорбием убеждаюсь: прошло три часа. Второе сентября, пора собираться в школу.

Воспоминания о вчерашнем вечере тут же обрушиваются валуном и придавливают: заявиться в класс и посмотреть в медовые глаза главному свидетелю безобразной сцены я не могу. Он наверняка начнет расспрашивать, как я докатилась до такой жизни. Или, что намного ужаснее, совсем не вспомнит обо мне и медленном танце – это тоже вполне возможно, потому что накануне от него несло, как от пивной бочки.

Милана наверняка успела рассказать ему о моей скромной персоне в таких ярких красках, что бедный парень, проходя мимо, будет напяливать медицинскую маску, перчатки и костюм химзащиты.

Какая там дружба! Теперь я даже не понимаю, где набралась такой самоуверенности, что посмела на него посмотреть.

Я всерьез подумываю повернуться на другой бок и умереть, но мама бесшумно вырастает у кровати, и ее грозный вид не сулит ничего хорошего:

– Нелли! – Такое обращение она употребляет, только когда крайне возмущена. – Где ты пропадала всю ночь?

Ответить на этот вопрос честно я не в состоянии – слишком странным и жалким покажется объяснение.

– Ты хоть понимаешь, как я переживала?

Я смотрю на нее, понимая, что вот-вот разревусь.

Мама уже готова к трудовым подвигам: на стройной фигуре худи и джинсы, волосы собраны в небрежный пучок, но круги под глазами не скрыл даже недешевый консилер.

Стыд и сочувствие давят на горло, но, вместо того чтобы поджать хвост и повиниться, я сажусь на край матраса и старательно игнорирую ее присутствие – надеваю носки, потягиваюсь, зеваю.

– Что-то случилось?

– Вообще-то, с этого и следовало начинать...

– Неля, с тобой все нормально?! Говори!

«... Будто ты не знаешь, что все ненормально, и твой план с переодеванием не может сработать...»

Очевидный ответ на ее вопрос горчит на языке, но так с него и не срывается. Что я скажу? Что ей стоило быть осторожней в связях, и тогда бы меня никто не доставал?

Я сдуваюсь:

– Да шучу я, мам. Все хорошо. Просто гуляла с ребятами. А телефон... сдох.

Убедившись, что я цела и невредима и виной всему мои обычные закидоны, мама шумно вздыхает:

– Так, л-ладно. Я убегаю. Яичница на сковородке!.. Не опоздай!

Снова падаю на подушку и накрываюсь пледом. Солнце светит во всю мощь, но бодрости нет и в помине.

Я веду себя как глупый эгоистичный ребенок, но душа болит и никак не может успокоиться.

«Мама, мама... Знала бы ты, какой козырь вручила в руки моему главному врагу...»

Проверяю оповещения в телефоне, но ничего, кроме пропущенных звонков от встревоженной родительницы, не нахожу.

От Глеба Филатова тоже нет никаких сообщений и комментариев, и его игнор отчего-то... бесит, а сам он бесит еще сильнее. Не стоило показывать ему свою не слишком симпатичную физиономию.

Зато электронный кошелек пополнился десяткой, и настроение тут же улучшается: покупатель многострадальной куклы Киры перевел деньги, а у меня появилось дело поважнее какой-то там школы.

Выбираюсь из комнаты только для того, чтобы умыться, разжиться галетой и кружкой с горячим кофе, и, закрывшись на замок, продолжаю работу, прерванную вчера. Спустя час кукла готова – при полном параде и, кажется, даже улыбается шире. Обматываю ее пупырчатым целлофаном и прячу в рюкзак.

* * *

Выйдя из душного офиса службы доставки, я засовываю руки в карманы и долго гуляю по солнечным улицам. Дышится легко: на мне комфортная одежда с сотнями заклепок, тонна макияжа и черная помада. Пусть прохожие расступаются и сворачивают головы – на то и расчет.

Все же важно не изменять себе: что бы ни случилось, в любых обстоятельствах. Неудачные попытки не быть, а казаться, ни к чему не привели, и слава богу. Ведь, если бы Артём повелся на блузки и платья, мне пришлось бы постоянно в них ходить!..

Я сажусь на спинку парковой скамейки, наблюдаю за орущими ребятишками на детской площадке и зачем-то снова проверяю аккаунт – не дает покоя возможная реакция незнакомого парня на мои селфи.

Ничего... Еще один повод для досады и стыда.

– Ну и пошел ты... Придурок! – фыркаю и нервно постукиваю ногтями по покрытой лаком деревяшке.

Настроение все равно не портится, а предчувствия перемен и чего-то нового легким, полетному теплым ветерком пробирается за пазуху.

Тени на асфальте сплетаются в причудливые кружева и узоры: чуть повернешь голову – возникает заяц, посмотришь под другим углом – он превращается в грозного дракона.

Навожу на оптическую иллюзию камеру и делаю снимки с разных ракурсов.

Только идиот мог принять меня за фейк и не понять очевидного: я выкладываю на своей страничке не просто фотки, а самые яркие впечатления. Именно они остаются в памяти и называются жизнью.

Пополняю альбом новыми кадрами и нахожу страницу «Глеба Филатова».

Наверняка в его друзьях только избранные из избранных и есть девчонка, с которой он позирует для романтических фотосессий в парных свитерах.

Не то чтобы мне не плевать, но попасть по нужному значку с первого раза не получается – я будто совершаю вылазку в стан врага, и от волнения, природа которого мне непонятна, дрожат пальцы.

И тут меня поджидает настоящее открытие: список его друзей похож на мой – несколько явных ботаников, какие-то расфуфыренные чики, добавляющие всех подряд, пара странных личностей с непроизносимыми никами и вереница заблокированных аккаунтов, которые давно стоило бы удалить.

Никакой девушки нет в помине, на фотографиях вообще нет его самого: только дома, оживленные улицы, куда-то спешащие люди... Ничего особенного, но его снимки притягивают взгляд, и ассоциации вдруг являют новые, скрытые смыслы.

Завороженно рассматриваю каждую деталь, и она складывается в ту самую жизнь. Грустное, одинокое созерцание.

В груди разгорается жгучий интерес, переходящий в испуг, и я хлопаю себя по щеке:

– Стоп. Нел, ты впадаешь в маразм.

Алина говорит, что людей с тараканами, подобными моим, на всей земле не сыскать – возможно, я вообще единственная в своем роде. И парни с такой внешностью и задраным до небес самомнением, как у этого Глеба, уж точно ничем подобным не страдают.

И все же, не получив от него сообщения, я испытываю разочарование – словно то, на что ты возлагал большие надежды, закончилось, так толком и не начавшись.

Нет, никаких планов относительно этого чистоплюя я не строила. Но сейчас понимаю, что, возможно... чисто гипотетически... у меня впервые мог бы появиться настоящий друг.

Домой не хочется: воплей Бореньки и расспросов сестры с лихвой хватит и вечером, наличие на счете денег согревает сердце, и я тащусь в салон – не тот, где работает мама и куда ходят богатые дамочки за тридцать, а в тот, где набивают татуировки, плетут афрокосички и прислушиваются к самым эксцентричным пожеланиям клиентов.

Мою просьбу тоже исполняют в лучшем виде: светлые, немного отросшие у корней патлы становятся нежно-розовыми – пора возрождать оставленные в прошлом традиции. Завтра непременно нанесу визит в школу и доведу Татьяну Ивановну до икоты.

Развалившись на лавочке в тени обвитой плющом беседки, обедаюсь мороженым, выискиваю в траве первые желтые листья, снова зеваю и буквально подпрыгиваю от внезапной короткой вибрации в кармане. Выругавшись, достаю телефон и едва не роняю: несостоявшийся друг соизволил прислать сообщение!

Тщательно облизав палочку, метко бросаю ее в урну и, вытерев ладонь о джинсы, раскрываю диалог:

«У меня тоже есть жизнь»

Дальше выплывает фото траурного венка «От одноклассников и учителей» и серая могильная плита, а я, оценив всю глубину и мрачность шутки, усмехаюсь:

«Серьезно?..»

Глава 7. Нелли

«Это тебе за активное участие в жизни школы? Идейным ботанам даже памятник полагается?» – отсмеявшись, спрашиваю я.

– Увы, не мне.

– «Макаров Александр» – это твой друг? Ты скорбишь? И нужно принести тебе соболезнования?

– Это один конченный урод. Можешь выпить на своей светской тусе за то, что в мире одним козлом стало меньше.

Выходит, моя «светская туса» его все же задела, и я, захмелев от азарта и радости, включаюсь в болтовню:

– Значит, это ты его так?

– Хотелось бы. Но это лишь меч божественного правосудия.

– Что ж, тогда твоя жизнь не настолько печальна, как выглядит на данной фотке.

– Подумала, что я жалуюсь? Наивная. Это я хвастаюсь, как и ты своей пьянкой.

– Ничего подобного. Ты обвинил меня в асоциальности. Я тебе прислала доказательства, что это не так.

– Тоже мне доказательство. Может, это культурная программа вашего дома престарелых?

– Ты совсем debil?

– Ладно. Ок. Поклянись, что это ты на фотках.

– Еще чего. Дело твое. Хочешь верь, хочешь не верь. Мне плевать.

– Просто, когда мы переписывались в паблике, я тебя не так представлял.

– Думал, я восьмидесятилетняя горбатая женщина с бородой?

– Думал, что ты двенадцатилетняя серая мышь на пике гормональной активности.

– Ты шутишь, как мои одноклассники. Еще немного – и я с тобой попрощаюсь.

– Ну, слава богу, все встает на свои места. А то я никак не мог понять, с чего это такой гламурной девочке, как ты, интересоваться моей унылой ботанской жизнью.

– Во-первых, мне глубоко фиолетово, что там с твоей жизнью. Ты сейчас сам прислал фотку. А во-вторых, кто верит только в то, что видит, – идиот.

– То есть ты признаешь, что ошибалась, называя меня ботаном и клоуном?

– Ты, вообще, откуда?

– Из Москвы, а что?

– А, ну тогда понятно. Вы там все такие.

– Какие?

– Пафосные.

– Зашибись! Теперь я еще и пафосный. Пафосный ботан? Или пафосный лузер? Даже не знаю, что лучше звучит.

– Ах-ах, смешно. Все, давай, мне некогда.

– Ты учишься?

– Угу.

– В школе?

– Угу.

– Сделай и пришли фотку.

– Обойдешься.

– Значит, ты не в школе.

– Сейчас нет.

– Понятно.

– Что тебе понятно?

– Что ты типа в школе, но на самом деле не в школе.
– На чем ты пытаешься меня подловить? – Я взвиваюсь. – Сам-то ты где?
– Я в автобусе. Прислать подтверждение?
– А какого черта ты делаешь в автобусе, если сейчас четвертый урок?
– Еду с кладбища. Меня, как самого главного и пафосного ботана школы, отправили помолиться за Макарова.

– Ты же сказал, что он конченный урод.
– Прикинь, за уроков тоже молятся.
– А че, ботаны умеют молиться о чем-то, кроме оценок?
– Я тот самый ботан, который умеет.
– А ты правда ботан?
– А ты правда гламурная?
– Ты опять?
– Ладно. Ок. А какой ты сама себя считаешь?

Вопрос задевает за живое. Может, ему и впрямь интересно, что у меня за душой, но, скорее всего, это лишь мои надежды.

– Не гламурной.
– Ну это я понял. Может, что-то еще?

Он не отстает, и я отделяюсь шуткой, в которой, по правде, нет и намека на шутку:

– Я думала, что я независимая, сильная и смелая, но на самом деле, как показывает практика, – слабачка и типичная неудачница.

– О, класс! Это прям про меня.

– Ты еще и debil, ботан. Я с тобой личным поделилась, а ты такой же придурок, как все. Не пиши мне больше.

– Эй, погоди, я серьезно. Я тоже неудачник. Честно. Взять хотя бы этого Макарова. Он меня вообще ни во что не ставил, всю школу на меня натравил. Не подумай, что жалуюсь, но, что есть, то есть.

От этого признания екает в груди. Еще слово – и я разревусь. Часто моргаю, снова и снова перечитываю последнее сообщение и все больше убеждаюсь: придурок прикалывается. С его внешней и приторной улыбочкой впору записывать debильные ролики для «Тик Тока» и пудрить девчонкам мозги – последнее он в данный момент и прodelывает.

Вздыхаю и констатирую:

– Ага. Нестареющая классика. Ты ботан, и тебя буллят. Извини, но у нас с тобой разные проблемы. И говорить больше не о чем.

– Типа, куда нам, столичным ботанам, до проблем подкрученных провинциальных девчонок? А еще меня обвиняла в пафосе.

– Глеб? Ты же Глеб? Тебя правда так зовут в жизни?

– Угу.

– Так вот, Глеб, иди к черту.

– Хорошо. Ушел.

– И не пиши мне.

– Хорошо.

– Дебил.

– У тебя новый приход?

– У меня новый уход.

– Понял. Тогда, когда закончится, пиши сама.

– Еще чего?!

– Я просто предложил.

– Отвали уже!

– Отваливаю. Как раз моя остановка. Спасибо, было классно скоротать с тобой дорогу. И удачи в гламурных похождениях!

– Придурок!

Я в сердцах сворачиваю диалог и в отражении черного зеркала вижу свои ненормальные, горящие злобой глаза.

А вдруг он не врет?.. Содержимое его аккаунта никак не вяжется с успешностью. Может, придурок, не умеющий вести нормальный диалог, это не он, а я?..

Снова заново палец над экраном:

– Тебя правда буллят?

– Думаешь, я такими слезливыми историями к девушкам подкатываю?

– Ладно. Прости, что наехала. У меня есть повод.

– Наезжать на незнакомых людей из-за своих проблем – это не повод, а диагноз.

Он уязвлен – отвечает не сразу и старается посильнее задеть, но я бы тоже на его месте злилась. Не ведусь на бубнеж и строчу полный трагизма рассказ: ну, просто чтобы он знал, кому рассказывает про буллинг.

Конечно, проще было записать голосовое, но Милана вечно прикалывается над моим «прокуренным» тембром и манерой растягивать слова.

– Ага. Диагноз. Не иначе. Каких только «диагнозов» на меня не вешали в школе! Психичка, анорексичка, хикки. Ведьма. Это ролевая модель, и я не могу на нее повлиять: то, что обычно легко удастся, при этих уродах оборачивается настоящим кошмаром. Если покою – фальшивлю, как мартовский кот, если говорю – скатываюсь в никому не интересное занудство и дарю им новые шикарные поводы для глума. Чувствую себя куклой, которой уготовили участь вечного изгоя и объекта насмешек. В общем, в один из дней я решила повернуть их оружие на сто восемьдесят градусов: я ведьма, да будет так. Прикол в том, что теперь они сами верят, будто я способна навести порчу, и побаиваются. К чему это я? Резкость – моя вторая натура. Не принимай на свой счет, окей?

Выдохнув, отправляю Глебу свое нытье, и облегчение, смешанное с ожиданием, мурашками проступает на коже. В ответ прилетает три смеющихся смайлика.

– Эй, по-твоему, я тут что, анекдоты травлю?

– Нет. Меня повеселило другое. Похоже, меня тебе Бог послал. Ни за что не догадаешься, как меня называют в школе.

– Я попробую. Солнышко? Зая? Киса?

– Хочешь, чтобы меня прямо сейчас стошнило?

– Всего лишь, чтобы ты почувствовал то же, что я, увидев ту фотку с первого сентября. Тебе там только нимба не хватает. Такой правильный и сладенький, аж скулы сводит.

– Да чего ты прицепилась к фотографии?

– Потому что меня она бесит. Терпеть не могу вот таких ванильных мальчиков, которых создают не иначе как в киберлаборатории послушания и занудства.

– А почему только мальчиков?

– Потому что мы сейчас говорим о тебе.

– Но ты же меня совсем не знаешь. Я, может, отпетый подонок и негодяй с ангельским лицом?

– Подонок и негодяй, которого буллят? Рассказывай!

– А что же ты, типичная неудачница, делала в экстремальном мини на ночной тусовке?

– Считаю это своеобразным социальным экспериментом. Иногда так хочется залезть в голову другим людям и понять, каким с их позиций видится мир. Собственно, этим я вчера и занималась.

– И как тебе их мир?

– А никак. Смертная скука.

– То есть твоя собственная жизнь веселей?

– Нет. Блин. Да что ты прицепился?!

– Кажется, я начинаю понимать твои школьные диагнозы. Ты ведешь себя крайне недружелюбно. И нервничаешь по пустякам.

Я снова закипаю. За годы вынужденного отшельничества пришлось нарастить броню, чтобы никто не совался и не делал больно. Подспудно я ищу сопереживания, но, когда нахожу, принимаю его за жалость. А жалость и так сквозит из осторожного тона учителей, серых мышек и тихих ботаников, которые тоже недалеко от меня ушли. Но этот... тип даже не пытается быть корректным и нарочно лезет на рожон!

– Ты что, не прочел ни слова из того, что я тебе написала? Ты меня тоже не знаешь! Я тебе сказала только про фотографию, а ты меня упрекаешь, воспользовавшись моей же откровенностью.

Он что-то пишет и стирает, снова пишет и стирает и наконец выдает:

– Ладно. Давай начнем заново.

– Что начнем?

– Наше знакомство. Привет, меня зовут Глеб Филатов, мне восемнадцать, и я ботан, аутсайдер и Святоша.

– В плане Святоша?

– То самое мое прозвище, о котором я тебя спрашивал.

– Почему? Ты верующий?

– Не совсем. Точнее, нет. Но все думают, что да. И я их не разубеждаю.

– Вот это ты меня удивил.

– То ли еще будет. Говорю же, что ты меня не знаешь.

В рот едва не залетает назойливая мошка – отплевываюсь и обнаруживаю, что он открыт, да еще и растянут в блаженной улыбке. На душе так легко, что есть риск вознестись над скамейкой, тополями и набережной и, словно наполненный гелием шарик, затеряться в облаках.

Он прикольный. Правда прикольный. И теперь уже я пишу, стираю и пишу, взвешивая каждое слово:

– Ладно. Хорошо. Меня зовут Нелли Кузьмина, мне восемнадцать, и я отличница, неформалка и ведьма.

– Так, стоп. Отличница?

– Да, но не ботан. Ясно?

– Ах, ну да, конечно. Все кругом ботаны, кроме тебя...

– Ты опять?

– Ну а что с ведьмой? Как это тебя так угораздило?

– Тупая история, под стать звездам моего класса. В рабочей тетрадке по окружающему миру была картинка с видами рыб: нельма, селедка, рыба-ведьма – может, помнишь? Так вот: наша самая главная стерва не придумала ничего умнее, чем высмеять мое имя. Так я и стала ведьмой. Не ищи логику, она вышла из чата. Однажды, по указке все той же зазнавшейся стервы, дуболом Вовочка Бобров запер меня в темном кабинете. Я просидела там до позднего вечера, – к счастью, охранник решил пройтись по этажу и услышал крики и стук. Утром я вышла к доске и во всеуслышание объявила, что Вова повел себя как скотина, и в наказание его настигнет моя магия: проберет понос. Верить или нет, но так и случилось. Он слег в больницу с кишечной инфекцией и вернулся только через две недели – бледный и худой. Так что Ведьма – это не просто прозвище. Это призвание. Ну как, страшно?

– Нет. С ведьмами у меня разговор простой – инквизиторский. Двухлитровая клизма со святой водой и розги.

– Это, пожалуй, лишнее.

Хочочу и жду, что еще выдаст Глеб, но он пропадает из Сети. Экран гаснет, в нем возникает бледное небо и черные ветки, а я с ужасом обнаруживаю, что слишком много о себе нагородила.

Звонит Алина, просит купить творожок для Бори, и я вру, что не могу говорить, потому что начался урок.

Прогуливаюсь по парковым аллеям, долго стою на пешеходном мостике, вглядываюсь в мутную воду главной городской речки и любуюсь доживающими свой век фонтанами. Несмотря на тепло, в воздухе явственно ощущается осень, и в душу проникает грусть с нотками уныния.

Кажется, он тоже слился. Совсем как Артём, когда узнал неудобные подробности.

Прибавляю шаг, спешу к остановке и ныряю в подошедший троллейбус. Плюхаюсь на сиденье, протягиваю кондуктору ученическую карту, и телефон в ладони снова оживает:

– Прости, пришлось забежать в школу. Отдать им фотки. На чем мы там остановились?

Нестерпимо хочется плакать, и в носу щиплет, но я улыбаюсь:

– Ты собирался рассказать, почему ты аутсайдер.

– Это долго, и писать сейчас сложно.

– Запиши голосовое.

– У меня дурацкий голос.

– Да ладно. Не верю.

– И правильно делаешь. Он у меня обычный.

– А у меня нет. Поэтому я не общаюсь голосовыми.

– Ого! Теперь мне ужасно любопытно его услышать.

– Нет уж. Лучше без этого.

– Ты что, меня стесняешься? Я же вообще фиг знает где и даже не знаю, свое ли фото ты мне прислала.

– Я никого не стесняюсь! Просто не хочу!

– А знаешь, что я в начале подумал, когда ты комменты стала писать? Что ты парень, прикидывающийся девчонкой. По правде говоря, я до сих пор не уверен, что это не так.

– Эй! Ты совсем, что ли? Какой я парень?

– Ну, тогда просто запиши хотя бы два слова, чтобы я понимал, что ты та, за кого себя выдаешь.

Он опять попал в точку: я стесняюсь до одури, но показаться совсем забитой – тоже не вариант. Откашливаюсь, хриплю в микрофон: «Привет, Глеб. Я не парень» и быстро отправляю ему.

– Достаточно?

Тут же прилетает ответ: «Привет, Нелли. У тебя классный голос».

Подношу динамик к уху и под гневным взглядом сидящей рядом бабушки несколько раз прослушиваю шесть простых слов. Вот уж у кого действительно классный голос: приятный, веселый и уверенный. И паранойя тут же услужливо поднимает голову.

– Ты не ответил, почему ты аутсайдер.

– Потому что у меня с вот тем придурком, чью могилу я тебе показал, была вражда. Но он звезда школы, а я не звезда. Поэтому все были за него и против меня.

– Как знакомо. И почему же ты не звезда?

– Не знаю. Наверное, нет данных.

– Как это нет данных? Я же тебя видела. Ты похож на блогера.

– Ты говорила, на ботана.

– Хорошо, на ботана-блогера.

– Мне, конечно, приятно, что ты все-таки сказала что-то хорошее обо мне, но для того, чтобы быть школьной звездой, нужны другие данные.

– Это какие же? – Тема настолько животрепещущая, что я дергаюсь, и бабушка слева грозно цыкает. – Есть соображения на этот счет?

– Ну, я не знаю... Наглость? Самоуверенность? Эгоизм? Так запросто не скажу, но явно не то, чем я могу похвастаться. А похвастаться я могу только тем, что за все эти годы так и не прогнулся под них. Тебе, может, будет смешно, но я считаю это, наверное, своим самым большим достижением.

– Мне не смешно. Потому что я отлично понимаю, о чем ты говоришь.

– Правда?

– Ага.

Автоинформатор бодро объявляет название остановки и вынуждает прервать увлекательную переписку. Спешно прощаюсь с Глебом, прячу телефон в карман рюкзака, вытираю о джинсы вспотевшие ладони и, растолкав локтями попутчиков, выпрыгиваю из средней двери.

Глава 8. Глеб

Интересно, а есть ли у меня на самом деле, как выразилась Нелли, «данные», чтобы стать звездой школы? Чисто гипотетически. Предположим, все сложилось бы не так, как сложилось? Если бы я не ввязался в тот конфликт с одноклассниками Гошиной сестры? Если бы подружился с Сашей Макаровым? Нет, понятное дело, что я не мог не заступиться за маму и с Макаровым никогда в жизни не подружился бы, но меня, главным образом, интересует собственный потенциал. Ведь, как ни крути, нужно признать, что Макаров – личность. С его мнением считались, его боялись, каким-то непонятным образом он вынуждал людей делать то, что он хочет. А еще Макаров был яркий – с внешностью ему повезло, но это даже не основное. Он всегда держался так, словно весь мир был создан именно для него, поэтому всё и все вокруг должны соответствовать его ожиданиям. А если не соответствовали, то немедленно выбраковывались. Вот как я, например.

Учился Макаров средне, на тройки, но это никого не смущало, словно ему достаточно было быть просто Макаровым. Учителя относились к нему с осторожным уважением, не цепляя лишний раз и не заваливая, словно безоговорочно принимали его неприкосновенность и исключительность. У Макарова была, конечно, богатенькая семья, но вряд ли дело заключалось только в этом. Кулыгин вон тоже сынок какого-то дипломата, но тихий, скромный и безобидный. А, раз безобидный, значит, и считаться с ним необязательно. Тогда как Макаров, чуть что не так, немедленно лез в бутылку, качал права и выставлял своих обидчиков в самом неприглядном свете.

А еще Макаров любил и умел командовать. Часто ему достаточно было одного взгляда, чтобы отдать приказ своей шобле, а без его одобрения те и шагу не могли ступить.

Поэтому я не кривил душой и не хвастался, говоря Нелли, что горжусь тем, что не прогнулся под всю эту систему. Но мне действительно было гораздо легче жить со статусом изгоя, нежели стать шавкой Макарова. Сама мысль о том, чтобы угождать против собственной воли, казалась настолько омерзительной, что ради самоуважения я был готов терпеть стычки и насмешки. Ведь, пойдя на попятную, я превратился бы либо в такого же шакала, как и его дружки, либо в дрожащую мышь, что в обоих случаях полностью противоречило моим взглядам на то, каким должен быть человек.

Да, мои знания о мире черпались из кино и книг, но там везде было о том, что даже если на долю героя выпадали страдания, то он никогда не должен был «опускаться на колени» и «целовать сапоги». Как-то раз по малолетству я даже с мамой спорить стал, доказывая, что стоять на коленях унижительно. И тогда она, яростный противник телесных наказаний, хорошенько отхлестала меня косынкой, как только мы вышли из церкви, – ведь мне приспичило заявить о своей героической позиции именно там. Но потом успокоилась и, выслушав, объяснила, что вставать на колени можно и нужно только перед теми, кого любишь и уважаешь. Потому что это жест не только покорности, но и доверия.

А вообще, мой любимый герой – Максимус из «Гладиатора»: сильный, смелый, гордый. Сколько раз, попав в очередную передрыгу, я вспоминал, как его держали в клетке и в цепях, как он был вынужден сражаться за свою жизнь и как независимо и гордо разговаривал с цезарем. В такие моменты я воображал, будто я – это он, и мне становилось намного проще давать отпор Макарову. Максимус был рабом по обстоятельствам, но не по духу. Вот и я отстаивал свободу своего духа, как только мог.

– Ты чего сидишь в темноте? – Мама заходит в комнату, и свет резко вспыхивает.

Я зажмуриваюсь. Пока размышлял обо всем этом, не заметил, как монитор ноута погас.

– Доклад делаю.

– В темноте?

– Угу. Пытаюсь представить, как было, когда еще ничего не было.

– До Сотворения мира?

– Тут пишут, что до момента Большого взрыва ничего не существовало, а пространство и время начали формироваться одновременно.

– Глеб, – она смотрит с укором, – я не собираюсь вступать в полемику со школой и мешать тебе делать уроки, но, просто чтобы ты знал, Бог был всегда и всегда будет. Он является перво-причиной всего на свете. И времени, и того, что ты называешь пространством, и всего живого на свете, и нас с тобой. Во всем, что нас окружает, присутствует частица Бога.

– А тут пишут, что «в рамках эксперимента по галактической эволюции с помощью спектроскопии был проанализирован состав ста пятидесяти тысяч звезд, и исследование показало, что люди и звезды Млечного Пути на девяносто семь процентов состоят из одних и тех же атомов».

Мама поджигает губы – у нас уже были подобные разговоры и каждый раз тупиковые.

– Хочешь знать мое мнение? – Она снимает со стула белую рубашку и мнет ее в руках. – Ты слишком много думаешь, вместо того чтобы прислушиваться к своему сердцу и чувствам.

– Серьезно? Ты так считаешь?

Я немало удивлен.

– Разумеется. Нет, то, что ты рассудительный и разумный, хорошо, но иногда стоит отпустить себя и довериться сердцу.

– Лучше такого не говори, – смеюсь я. – Если я себя отпущу, то очередного Большого взрыва нам не избежать. Нет, ладно, может, не такого большого, но образования сверхновой точно.

– Не нужно ерничать. Ты меня понял.

Я киваю. Я ее понял. Она пытается сказать, что я должен открыть свое сердце для Бога, как это сделала она. Вот только мама понятия не имеет, какая чернота в этом моем сердце скопилась. Лучше даже не трогать.

– Отнесу рубашку в грязное? – интересуется она, собираясь выйти из комнаты.

– Нет! – Я вскакиваю из-за стола и забираю рубашку у нее из рук. – Еще в ней похожу.

Мама с подозрением косится:

– Ты же белое ненавидишь.

– Да, но сейчас надо для школы.

– Странно, – она пожимает плечами. – Разве у вас не траур?

– Траур. Но мне так надо.

– Хорошо. Только постирать ее все же стоит. Воротник грязный и потом пахнет.

– Нормально. Один день доходить можно.

Когда она закрывает за собой дверь, я возвращаюсь к докладу о происхождении Вселенной. Только вместо того, чтобы читать научные статьи, снова думаю совсем о другом.

Все-таки эта Нелли странная. Резкая, вспыльчивая, но не злая. Хочет казаться злой, однако я чувствую, что это наносное – уж слишком она прямолинейна. По-настоящему злые люди никогда не признают этого за собой, а она извинилась, что наехала, и, хотя потом наговорила еще всякого про ванильного мальчика и кибервоспитание, поделилась со мной своими личными бедами. Пускай мимолетно и вскользь, но получилось довольно любопытно. Выходит, что она тоже своего рода изгой. А это даже прикольно. Интересно, как она с этим справляется? Есть ли у нее кто-то вроде Максимуся? И кто в ее мире главный злодей? Такой же Макаров или, может, свора бешеных стерв? Скорее последнее. Я точно не знаю, но, как по мне, буллить девчонок могут только конченные слабаки, а Макаров слабаком не был. Впрочем, версия быдла тоже имеет право на жизнь.

Открываю фотографию Нелли и снова разглядываю высветленные белые пряди, рассыпавшиеся по нежному, будто фарфоровому лицу, тонкий изящный нос, густо накрашенные

приопущенные ресницы. Смотрю долго и внимательно, пытаюсь избавиться от пелены первого впечатления. И разглядеть за всей этой косметикой и позированием ее саму. Зачем? Понятия не имею. Но ее внезапное появление привносит в бессобытийное однообразие каждодневной жизни капельку интриги. А еще мне определенно льстит, что она посчитала меня симпатичным и похожим на блогера. Пусть даже и сказала, что ее от такого тошнит, все равно это немного смахивает на комплимент.

Зеркало в моей комнате есть только на внутренней стороне дверцы шкафа. Открываю его и около минуты критически разглядываю себя, свое лицо и тело, пытаюсь представить, как все это вместе выглядит для других. У меня к себе претензий нет. Я просто знаю, что не урод, и раньше этого было достаточно. Но теперь, когда человек составил свое первое впечатление обо мне только по моей внешности, стоило задуматься.

Захлопнув шкаф, быстро возвращаюсь к ноуту и пишу ей в ВК:

– Привет. Ну как ты там?

Нелли не в Сети, но, пока я, пялясь на свое сообщение, думаю, что нужно было написать что-нибудь поинтереснее, на аве с ботинками загорается зеленый кружок и невидимая собеседница сразу же открывает мое послание.

– Спасибо, все норм. Как сам?

– Тоже норм.

Я немного нервничаю, потому что нужно было сначала придумать тему для разговора, ведь мы не какие-то там закадычные приятели, чтобы тут же начать обмениваться новостями или болтать ни о чем.

– Расскажи, кто главный в твоём мире злодей? – на ходу придумываю я. – Кто отравляет тебе жизнь и с кем приходится бороться?

– Бороться, – она присылает гогочущий смайл. – Скажешь тоже.

– Значит, ты смирилась?

– Считаю, что так.

– Ну а как же: «Чтобы жить, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость»?

В шутку выдаю цитату Толстого, которую в прошлом году учил для сочинения. Но потом вдруг спохватываюсь, что она может не понять иронию, и кидаю вдогонку веселую рожицу.

– С таким бороться невозможно, – серьезно отвечает она.

– С каким таким?

– С тупостью и лицемерием.

– И как же ты с этим живешь?

– Вот так и живу. Или не живу. Не знаю.

– Сильно достается?

– Ты не понимаешь! Если вдруг ты подумал, что меня бьют или как-то шпыняют, то очень ошибаешься. То, что я тебе рассказывала, это о другом.

– Хм. Ты нарочно разговариваешь загадками?

– Нет. Но знаешь, есть такая вещь, как чувство собственного достоинства. И бывает так, что унижение намного оскорбительнее побоев.

– Допустим. Хотя побои, честно признаюсь, тоже не сильно приятная штука.

– Тебя бьют?

– Я их тоже иногда бью.

Снова прилетает смеющийся смайл.

– Моего злодея зовут Люда Орлова, но Люда – это же не круто. Поэтому она называет себя Миланой. Чувешь уровень проблемы?

– И чем же ты ей не угодила?

– Фактом своего существования.

– Вот просто так? Мой злодей Макаров добивался моего подчинения и никак не мог успокоиться, что кто-то рядом с ним не поклоняется ему, хотя дышит тем же воздухом. А твоя Милана? Чего ей нужно?

– Говорю же, она ненавидит меня за то, что я вообще дышу. Не ее воздухом, а в принципе!

– Но почему ты ей не противостоишь?

– А почему ты не противостоял своему Макарову?

– Я пытался. Но он же не один. Так себе аргумент, но уж какой есть. Я ведь не Максимус, чтобы одним взмахом меча отсечь всем разом головы.

– Кто такой Максимус?

– Гладиатор.

– Шикарно. Так вот, я тоже не гладиатор.

– А знаешь, что я тут подумал, после нашего с тобой разговора?

– Извини, мысли читать пока не умею.

– Когда ты сказала, что у меня данные, я подумал, что, если бы очень сильно захотел, то, наверное, мог бы сместить Макарова с его звездного пьедестала, только раньше мне такое в голову не приходило, а теперь уже поздно.

– Почему это поздно?

– Потому что Макаров умер. Забыла?

– И что с того? Король умер, да здравствует король! Что тебе мешает занять его место?

– Ты сейчас шутишь?

– Ничуть.

Я зависаю с ответом и хочу сначала написать, что я не полководец и мне пьедестал Макарова никаким боком не сдался, но я сам завел разговор и теперь, если соскочу, буду выглядеть болтуном.

– Ты сейчас это так сказала, как будто пытаешься взять меня на слабо.

– Так и есть.

Жду, что добавит хотя бы скобочку – улыбку, но не дожидаясь. И снова пару секунд торможу.

– Ну хорошо. Ты меня подловила. Только знаешь что? Предлагаю пари. Я занимаю пьедестал Макарова, а ты – трон своей Миланы. Кто справится первым, тот и победил.

– Пф! Это нечестный спор и неравнозначный. Твой Макаров мертв, и воевать потому ни с кем не придется, а Милана вполне себе жива. И корона к ее голове, похоже, прибита гвоздями.

– Между прочим, все наоборот. У тебя ситуация намного интереснее. Я Макарову уже в любом случае ничего не докажу, а у тебя есть возможность увидеть, как твой враг встает на колени.

– Ты что, детских книжек начитался?

– Не без этого.

– Хватит, Глеб, отстань. Как есть, так и есть. Чего ты мне голову морочишь?

– Это ты мне морочишь. Подкинула дровишек в топку, теперь полыхает.

Внезапно она присылает голосовое. Смеется. Смех у нее тихий, немного хриловатый.

– Ты совсем дурак? Каких еще дровишек? Нет, правда, давай без вот этого детского сада? Нам обоим не пятнадцать, чтобы считать, что добро побеждает.

– Ладно, хорошо, – пишу я. – Ты как хочешь, а я вызов принял.

Звук ее голоса странным образом воодушевляет, я действительно весь загораюсь и готов пообещать сейчас что угодно, просто потому, что от ее смеха мне тоже становится весело.

– Ну-ну, – отзывается она. – Если не возражаешь, спрашивать, как ты собираешься это делать, я не стану, но с нетерпением буду ждать отчета. Можно даже фото или видео.

Я собираюсь ответить, что обязательно позабочусь обо всех доказательствах, подтверждающих мои успехи, но в комнату снова входит мама. У нее сбились настройки телевизора, и нужно срочно все вернуть «как было», поэтому приходится торопливо попрощаться. Но все время, пока я вожусь с пультом и программами, я не перестаю мысленно прокручивать нашу забавную переписку, прикидывая глобальность проблемы и осмысливая, во что же я в результате влез.

Глава 9. Глеб

Моя первая серьезная стычка с Макаровым прилась на конец шестого класса. Стояла середина апреля, первые солнечные деньки. Все мальчишки и девчонки, как по команде, поскидывали теплую одежду и нацепили совсем легкие курточки и ветровки, а старшеклассники и вовсе красовались, приходя в школу в одних пиджаках.

Я же пока свой зимний гардероб не сменил и даже носил шапку. Мама очень боялась, что я заболею и ей придется сидеть со мной на больничном, тратиться на лекарства и водить по врачам, поэтому взяла с меня обещание носить шапку до первого мая. Ей, конечно, было не понять, что тем самым я осознанно подписал себе приговор, поэтому и постичь величину моего подвига она не могла. Это я уже потом понял, что люди всегда оценивают поступки других только по себе. Тот, кто не любит сладкое, никогда не увидит в отказе от торта ничего героического, а тому, у кого дома есть собака, не понять того, кто нашел в себе мужество погладить бездомного пса. Люди вообще редко ставят себя на место других.

Мама, например, носила платки круглый год, так что мой подвиг с шапкой для нее подвигом не был.

Мы шли из школы. Я и еще двое мальчишек, которые на следующий же год свалили из школы как раз из-за Макарова. Они, в общем-то, были в порядке и ничем особенным перед ним не провинились, кроме того, что общались со мной.

Так вот, Макаров и его шобла пристроились за нами на пути домой. Просто тащились рядом, обзывались и старались по сильнее обрызгать из каждой попадавшейся лужи, а мы молчали, чтобы не «обострять». Их было человек пять, все наглые и задиристые: Ляпин, Титов, Журкин, кто-то еще.

Однако Макаров был хуже всех. В лужи, в отличие от остальных, он не лез, предпочитая не пачкать свои белые кроссы и предоставив всю грязную работу своим прихлебателям, но говорил самые обидные и унижительные вещи, о которых мне и думать было неприятно, не то что пересказывать. После того раза, когда я набросился на одноклассников сестры Титова, я сделал выводы и понял, что иногда лучше промолчать и перетерпеть. Знал, что даже если не стерплю, на что Макаров и рассчитывал, и попробую дать ему отпор, то смеяться надо мной станут еще больше. Но то, что я злюсь, Макаров отлично видел. Наверное, именно это и провоцировало его каждый раз доставать именно меня. Он ждал, когда же моему самообладанию придет конец. И все-таки дождался.

Это случилось, когда, подкравшись сзади, Макаров сдернул с меня шапку и запульнул прямиком в лужу.

– Ой, сдуло, – прогнусавил он дурашливым голосом. – Какая неприятность.

Все, включая мальчишек, с которыми я шел, засмеялись. Я остановился, но поднимать шапку не торопился – было ясно, что стоит мне за ней наклониться, как кто-нибудь обязательно отвесит пинка.

– Не плачь, бедненький, мамочка тебе ее постирает. Вместе с трусиками. Она же стирает тебе трусики? И платочки твои сопливые с козявками. Придешь домой и пожалуешься на ветер, скажешь, подул, гад, и шапочку уронил, – мерзко сюсюкая, Макаров подобрал на обочине палку и, подцепив ею шапку, поднял. В лужу потекли струи темной талой воды.

– Фу-у-у, бее-е, гадость, сифа, – подхватила шобла вразнойбой. – Поносная жижа.

– Отдай, – наконец сказал я Макарову, протягивая руку.

– Да-да, конечно, обязательно отдам, Журкин тебе ее даже надеть поможет, – Макаров протянул конец палки с шапкой Журкину.

Гадостливо скривившись и изобразив рвотные позывы, тот взял шапку двумя пальцами и двинулся на меня.

Что он собирается сделать, я догадывался.

– Только попробуй.

– А то что? – обрадовался Макаров. – Что ты ему сделаешь?

– Не ему, а тебе сделаю.

– Ой-ой, как страшно, – голос Макарова снова зазвучал омерзительно. – Мамкин сын рассердился. Сейчас что-то будет.

Мой приятель потянул меня за рукав, предлагая уйти.

– У него зубы скрипят, – заржал Гоша Титов. – Кулаки сжал, сейчас пернет от натуги.

Журкин помахал перед моим носом шапкой:

– У-тю-тю.

Но только я дернулся, как он попытался надеть мокрую шапку мне на голову. Я увернулся, однако, вместо того чтобы защищаться от Журкина, бросился на довольно ухмыляющегося Макарова. Крепко обхватил и, не думая, рухнул вместе с ним в ту лужу, где недавно плавала шапка.

Это произошло настолько неожиданно, что все растерялись. На что я, собственно, и рассчитывал. Прихвостни Макарова оторопели, мои спутники обалдели, сам Макаров, искупавшись в луже с головой, лишился дара речи.

Я ударил его всего два раза, и то несильно, потом встал, выхватил у Журкина шапку и быстрым шагом рванул домой. Но до подъезда дойти не успел. Они все же догнали меня и отпинали так, что сломали кусок переднего зуба и разодрали куртку. Кто-то из прохожих вызвал полицию, и нас всех под конвоем доставили прямиком к директрисе.

А вечером мне вдогонку как следует влетело от мамы, доходчиво объяснившей, что денег на такую роскошь, как драки, у нас нет. И если я и дальше собираюсь купаться в лужах, рвать одежду и лишаться зубов, то для начала мне стоит подыскать себе работу.

После того случая мои отношения с Макаровым существенно обострились. Теперь я был не просто чмошником, которого можно шпынять, – я стал настоящим объектом травли. Напрямую со мной связываться никто не решался, потому что я считался «чикане», а вот буллить толпой нравилось всем.

И все же именно тот эпизод раскрыл мне тайную суть настоящей крутизны и власти над людьми, которой обладал Макаров. Когда они заловили меня и стали бить, Макаров снес моей спиной сначала зеркало одной машины, а после приложил головой о капот другой. Остальные пацаны перепугались и стали кричать ему про зеркало и вмятины на капоте, что нас кто-то видел из окна и сейчас приедет полиция, уговаривали смотаться и разобраться со мной после, однако на все, что ему говорили, Макаров отвечал лишь «пофиг». И ему действительно было пофиг. Но не из-за влиятельных или богатеньких родителей, которые у него имелись. Макарову было «пофиг», потому что он не боялся ни наказаний, ни общественного осуждения, ни прочих последствий. Наверное, это можно было бы назвать смелостью, если бы не тот факт, что повреждение машин он свалил на Журкина с Титовым, а мою порванную куртку – на Ляпина. И никто из них ему потом слова не сказал, потому что знали, что в любой момент на моем месте могут оказаться они.

Именно в этом и заключается главная проблема всей моей бестолковой аутсайдерской жизни. Мне никогда не бывает ни на что по-настоящему «пофиг», я постоянно думаю о том, что делаю, и как это отразится на других. Я патологически боюсь стать таким человеком, как Мишка, из-за которого страдает столько людей, и меня слишком часто посещают совесть и раскаяние – даже тогда, когда моя вина или проступок не очевидны.

Я переживаю, что слишком долго вожусь на кассе в магазине и задерживаю людей, что, переходя по «зебре» без светофора, вынуждаю водителей останавливаться лишь из-за меня одного, что, забирая последнюю булочку в столовой, обделяю того, кому она, возможно, нужнее.

С другой стороны, самое сложное – это поставить диагноз. И раз уж я знаю, чем болен, что мешает мне вылечиться? Стать таким же равнодушным типом, которому будет на все пофиг? Пофиг на домашку, на прогулы и обещания, пофиг на мемы, на правила приличия и всех остальных.

Наверняка Макаров думал, что ему пофиг, когда укуренный сажал Алису на мотик. Но ведь именно поэтому она и поехала с ним, что приняла этот пофигизм за надежность.

Я захожу в первый попавшийся магазин. К счастью, там нет покупателей. Подхожу к молодой узбечке на кассе:

– Мне, пожалуйста, сигареты.

– Какие?

– Все равно. Нормальные какие-нибудь. И зажигалку.

– «Винстон»? – предлагает она, роясь на полочке с пачками.

– Отлично.

– Двести тридцать рублей и паспорт.

Паспорт у меня оказывается с собой, но отдать двести рублей за какую-то отраву я не готов.

– А что-то подешевле есть?

Курить я не умею и даже не пробовал, но решаю, что пофиг. С чего-то же нужно начинать.

Буду курить возле школы, за гаражами, где все обычно курят. Заявлюсь и стану дымить им в лицо с наглым видом, как Макаров. Без него они меня и пальцем не тронут. Побоятся, что призову высшие силы.

Прошлой весной, когда они собирались меня в мусорку скинуть, я устроил показательный молебен с взыванием к Всевышнему и проклятиями. Нес, по правде говоря, откровенную пургу, просто пародируя манеру батюшки, благо насмотрелся. А им много не надо, поверили, как нечего делать, сдали назад, один только Макаров сказал, что ему пофиг, и закинул меня в контейнер для пищевых отходов.

Но теперь у меня есть козырь. Галицкий подбросил отличную идею. Припомню им тот случай и скажу, что Макаров умер из-за того моего проклятия.

Это действительно суперидея. Она мне так нравится, что начинает казаться: выполнить обещание, данное Нелли, вполне реально.

Пусть все узнают, что я опасен. Пусть остерегаются и уважают. Брать на себя ответственность за смерть Макарова не особо приятно. Но никто не обещал, что будет легко. К тому же я не должен расслабляться и забывать, что мне пофиг.

Тренируюсь курить за хозяйственным магазином – там такой закуток, где бомжи в туалет ходят. Мерзко, но зато никто из маминых знакомых не увидит. Мне, конечно, пофиг, но на маму это не распространяется.

Вкус у сигарет омерзительный. В горле першит, язык щиплет, голова становится чугунная. Не понимаю, что приятного люди в этом находят, но делать нечего.

Кое-как приноравливаюсь затягиваться так, чтобы проглатывать дым и потом выдыхать его из себя, а не тупо выпускать изо рта. Однако больше одной сигареты выкурить не могу – такое ощущение, что уши заложило, и подташнивает, будто укачало.

Но я все равно очень доволен собой и весь вечер репетирую перед большим зеркалом крутые позы с сигаретой. Знаю, что выгляжу глупо и по-киношному нелепо, однако знаю и то, что репетиция выступления перед зеркалом приносит отличные результаты. По крайней мере, при подготовке докладов я всегда тренируюсь, глядя на свое отражение.

На следующий день я так вдохновлен своим новым образом, что совсем забываю прикрыть белую рубашку, и на входе в школу снова попадаюсь завучихе на глаза. Она останавливает меня и так долго кричит, ругаясь, что мозг начинает взрываться.

– Это в последний раз! – напоследок предупреждает она. – Если еще раз подобное повторится, позвоню твоей маме, пусть приходит и переодевает тебя.

На первых двух переменах из школы обычно никто не выходит, мало времени, да и охранник не выпускает – все начинается на третьей. Кто-то бежит в столовую, а кто-то за гаражи.

Я выхожу и как ни в чем не бывало шагаю за Титовым, он мельком оглядывается, но торопится догнать ушедших вперед. И я просто иду следом. Немного не доходя гаражей, он оборачивается.

– Святоша? – В глазах вспыхивает удивление. – Тебе чего?

– То же, что и тебе. – Я делаю вид, что его внимание меня напрягает.

Это дается без труда, потому что обычно их общее внимание к моей персоне действительно напрягает.

– Пацаны, глядите, кто приперся, – тут же оповещает собравшихся за гаражами Титов.

Здесь не только наши, но и ашки, и десятый класс, девчонки тоже, включая Румянцеву. Всего человек двенадцать. Стоят группками, а кто-то и сам по себе.

– Че надо? – тут же набычивается Журкин.

Окинув его равнодушным взглядом, я отхожу чуть в сторону. Типа я не с ними. Вытягиваю из пачки сигарету, вставляю в зубы и, глубоко затянувшись, прикуриваю. Пока все идет хорошо, я не кашляю и дым из ушей не валит. Во рту по-прежнему мерзко, но перетерпеть можно. Достая телефон и утыкаюсь в него, будто читаю. Реакция не заставляет себя ждать.

– Совсем попутал? – Журкин, кажется, теперь у них за главного. Подходит ко мне и сверлит бычьим взглядом: – Пошел вон отсюда.

– Не мешай, – отмахиваюсь я от него. – Дай параграф дочитать.

– Какой, к черту, параграф? – обалдевает он. – Ты сюда дорогу забудь.

– Фигасе! Святоша курит, – подваливает Румянцева.

Она настроена более доброжелательно, чем парни, за что я ей очень благодарен.

Ляпин принимает:

– По ходу, ладан.

– Ты правда ладан куришь? – хрипло смеется Румянцева.

– Я курю фимиам.

– А это что такое?

– Типа ладана, только круче.

– Дрянь какую-то курит, – морщится Титов. – Табачище дешевый. Небось отечественный.

– Погодите, – останавливает их Журкин. – Я, кажется, доходчиво сказал ему отваливать.

Или он нарочно нарывается?

– Послушай, – тороплюсь сказать я, потому что сигарета от глубоких затяжек почти истлела, а перемена скоро закончится, – я хожу, куда хочу. Ясно? И ты или кто-то еще мне не указ.

– Это он без Макарова борзеть начал, – подтягивает Титов.

– Именно! – Журкин бьет мне по руке с телефоном. – Ты нарочно пришел, да? Позлорадствовать насчет Сашки?

Я убираю телефон в карман, достаю еще одну сигарету, снова картинно прикуриваю и ухмыляюсь.

Мне уже совсем дурно, в голове плывет, а желудок сопротивляется интоксикации.

– Я пришел нарочно, – признаю я. – И теперь буду приходить всегда. Чтобы каждый раз, глядя на меня, вы вспоминали Макарова. И то, как он оступися. И как был наказан. Чтобы смотрели и помнили, что за все в жизни нужно расплачиваться. Быть может, не сию секунду и не громом среди ясного неба, а всего лишь мокрым асфальтом или фонарным столбом. Бог все видит, пацаны, и вы у него уже не на хорошем счету.

Лицо Журкина вытягивается, Титов бледнеет, на губах Румянцевой блуждает недоверчивая, но испуганная улыбочка.

– Хочешь, чтобы мы связали его смерть с тобой? – Она косится на мальчишек.

– От вас я ничего не хочу. Просто сказал, и все. Дальше решайте сами.

В школе звенит звонок, ашки и десятиклассники сваливают, а наши замирают в непонятках.

Судя по всему, их пробрало. Они вроде и наехать хотят, но теперь уже не знают, стоит ли.

На этой фееричной ноте я горделиво вскидываю подбородок, разворачиваюсь с одной лишь мыслью – поскорее добежать до туалета, но после первого же шага организм, придя в движение, больше не в состоянии сдерживаться. Ноги подгибаются, и меня позорно тошнит прямо на глазах у всей макаровской шоблы.

Глава 10. Нелли

«Ну-ну. Если не возражаешь, спрашивать, как ты собираешься это делать, я не стану, но с нетерпением буду ждать отчета. Можно даже фото или видео».

Сообщение улетает, однако остается непрочитанным. Облокотившись на стол, гипнотизирую взглядом телефон и жду ответа, но Глеб вдруг выходит из Сети. Экран гаснет. Становится тоскливо и холодно.

Разговор с ним настолько увлек, что день пролетел незаметно: я смеялась, удивлялась, сочувствовала и спорила, хотя, по всем раскладам, должна была плакать в подушку, проклинать Орлову и мучиться в компании собственных тараканов. Этот парень – полный псих, но мне его уже не хватает.

Друзей в реале у меня давно нет, а на расстоянии – не было никогда. Я считала знакомства в Сети мутной темой, попусту отнимающей время, но сегодня поняла, что это не так. Где-то в астрале открылась дверца, и мы, находясь в разных городах и в сотнях километров, прошли через нее и посидели рядом, смеясь и похлопывая друг друга по плечу.

Тишину нарушают бормотание соседского телевизора и визг Бориной инерционной машинки, в свете настольной лампы поблескивают стеклянные стеллажи и серебристые ручки шкафов. Но мир больше не ограничивается пределами восьмиметровой комнаты, не кажется пустым и враждебным, потому что нашелся Глеб – еще одна обитаемая планета посреди мертвого космоса.

Выпрямляю затекшую спину, раскрываю электронный дневник и принимаюсь за домашку, но увещевания Глеба не дают сосредоточиться.

Разве не весело спихнуть королеву школы и занять ее место на пьедестале?

В глубине души я знаю: не будь стервы Миланы, лавры «красы и гордости» по праву достались бы мне. Жаль, не всем везет так же сильно, как этому странному парню, и враги сами собой не устраниются. И, каким бы заманчивым ни был предмет спора, я заведомо знаю, что не потяну: у Глеба хотя бы имеются чертovy «данные» – внешка и подвязанный язык, у меня же нет абсолютно ничего.

Вообще-то, я боролась. И за долгие годы борьбы предприняла сотни попыток приблизиться хотя бы к уровню фрейлин Орловой: спорила, отстаивала мнение, даже один раз дралась, но все бесполезно. Естественно, я не стала докладывать Глебу о своих скорбных делах.

До «чудесного преображения» Люда была прикольной: не шарила в школьных предметах, зато знала все о корейских айдолах и знаменитых видеоблогерах, выдумывала игры и развлечения и понимала меня с полуслова. Я помогала ей с уроками, делилась последней жвачкой и обожала бывать у нее в гостях. Она запросто дарила мне игрушки, карандаши и ластики и говорила, что мечтает быть похожей на мою маму.

Но шесть лет назад Люда Орлова явилась на линейку в честь Дня знаний и, задрвав нос, демонстративно встала подальше, а мою попытку обняться пресекла писклявым возгласом:

– Отойди, Кузьмина, от тебя воняет!

От меня не воняло: блузка и юбка были идеально выглажены и благоухали чистотой, но именно тогда аморфные персонажи нашего класса впервые обратили на Людку внимание. Дальше – больше. Она провозгласила себя Миланой и превратилась в агрессивную тупую особь с дерьмом вместо мозгов.

– А вы знали, что она до сих пор в куклы играет?

– У них с сестрой разные отцы. Оба сбежали, но мать не расстроилась: регулярно приводит в дом своих мужиков, а этих убогих отправляет гулять на улицу. А они даже не понимают, чем мамаша там занимается...

Каждый день начинался с офигительных историй обо мне, зачастую выдуманных, но иногда – вполне правдивых. Люда вываливала на публику все мои сокровенные секреты и с хищным интересом наблюдала за реакцией собравшихся. Придумывала обидные клички. Цеплялась, бесила, доводила. Но ребят тянуло к ней, как магнитом.

Можно сказать, она и возвысилась за мой счет.

Сначала я плакала. Потом пыталась игнорировать. Но, даже если я давала достойный отпор, у нее всегда имелся туз в рукаве: она начинала оскорблять маму.

* * *

Задача по геометрии никак не дается: со мной такое впервые. Я откладываю карандаш, выключаю настольную лампу и, раскрыв окно, высовываю разгоряченную голову в прохладу осеннего вечера.

Над черной громадиной соседнего дома раскинулось небо с точками звезд. Интересно, видит ли их Глеб?

Сколько себя помню, мне не давали покоя звезды. Непостижимо, что я – существо, ненадолго и непонятно зачем пришедшее в мир, – и эти вечные, холодные небесные тела принадлежим одной Вселенной. И каждый раз, глядя вверх, я искала с ними хоть какую-то связь. Но недавно услышала, что все люди состоят из остатков сверхновых – по сути, из одних и тех же древних атомов.

И теперь ощущаю волшебную связь между нами всем сердцем.

В прихожей щелкает замок – с работы возвращается мама. Выползаю ее поприветствовать и тут же устаиваюсь тяжелого взгляда:

– Неля, опять за старое? Кто ты на этот раз: попугай или фламинго?

Алина растерянно хлопает глазами: вернувшись с прогулки, я не показалась ей во всей красе – быстро составила творожки в холодильник и, проскочив мимо приоткрытой двери гостиной, заперлась у себя в ожидании новых сообщений. Зато Борис, кажется, впечатлен цветом тетушкиной шевелюры.

Вручаю ему маленького ослика с пищалкой внутри, купленного на кассе в супермаркете, и в груди разливается тепло: беззубая искренняя улыбка племянника дорогого стоит.

– Я – розовое облако, мам. Спокойное и безмятежное.

– То есть драться с Людой больше не планируешь?

Неопределенно пожимаю плечами: врать матери нехорошо, а заведомо невыполнимые обещания приравниваются ко лжи.

– Значит, не помирились... Ну вот что мне с тобой делать?.. – На ее лице проступает боль от возможности очередного похода к директору. – Слушай, как стилист я признаю: это смело и красиво, но как мать не могу одобрить подобные эксперименты!

– Подростковый возраст – период эмоционального отдаления от родителей. И чем жестче родитель выстраивает рамки и навязывает свое мнение, тем сложнее он проходит, мам.

– Подозреваю, что рамок как раз и недостаточно... – вздыхает мама и уходит на кухню, а я быстро засовываю в ее сумку пару тысяч.

Алина, в силу жизненных обстоятельств сидящая на родительской шее, одобрительно кивает и подмигивает:

– А если все же отстранят?

– Не отстранят. Кто тогда будет в олимпиаде по химии участвовать?

– Молодец. И новый образ крутой. Кое-кто обязательно оценит.

Мы ужинаем картофельным gratin в исполнении мамы – любит она простейшей привычной еде давать пафосные названия – и допоздна болтаем ни о чем.

Безрадостные воспоминания улеглись, тусовка у Миланы кажется далеким кошмарным сном, историей из чужой жизни. Как бы там ни было, я люблю свою неправильную, далекую от образцовой семью. За такие вечера.

А еще в солнечном сплетении поселилось ноющее, но приятное тепло, похожее одновременно на ожидание, тоску и осторожную радость. Оно разгорается сильнее и ярче, стоит подумывать про Глеба.

Вымыв тарелку, я прячусь в комнате и первым делом проверяю телефон. Сообщений нет.

На сей раз мне удастся быстро разделаться с задачей: первоначальное решение увело меня в дебри, за которыми неизменно возникал все тот же Глеб.

«Чтобы жить, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость».

Ага. Не поленился и ради того, чтобы меня мотивировать, даже загуглил цитату Толстого...

Мама тихонько стучится, заглядывает в дверной проем и желает приятных снов, вскоре смолкают колыбельная песенка в исполнении Алины и сонное бормотание Бори.

Я выключаю настольную лампу, отваливаюсь на подушку и кутаюсь в плед. Из-за незадернутой шторы выползает ночь и мгновенно заполняет комнату. Тревога накрывает с новой силой, но я всматриваюсь в темные углы и стараюсь мыслить связно.

Что ж, Глеб ведь прав: я если уделаю эту стерву, то разом решу все проблемы. Больше не будет оскорблений, никто не встанет между мной и Артёмом, и, возможно, школа навсегда реабилитируется в моих глазах.

Перспектива кажется настолько заманчивой, что по телу проходит легкая дрожь. Потягиваюсь до разноцветных звездочек, но эйфория не отступает.

Глеб решил бороться.

Все же приятно знать, что на земле существует еще один неудачник вроде меня, и завтра ему предстоит нелегкий денек.

Интересно, как он справится?..

Тянусь к сиротливо лежащему на тумбочке телефону и, прищурившись от яркого света, долго изучаю фотографию с московской школьной линейки.

По-моему, парень в полном порядке. Даже больше: он настоящий красавчик. Подозрение, что кто-то просто меня разводит, снова растет и крепнет: ну не может же, в самом деле, человек с такой внешностью быть одиноким лузером!

Я отгоняю плохие мысли и уговариваю себя:

– Кто знает, какие у них там, в Москве, запросы...

В конце концов, содержимое его страницы не подтверждает версии с розыгрышем. Да и сам он... ее не подтверждает.

Начинание обречено на успех, если Глеб собственноручно ничего не испортит, но я бы не хотела, чтобы он боролся один. Может, я бы согласилась на предложенную авантюру и тем самым морально его поддержала, но трезво оцениваю свои «данные», и они неутешительны. Я худая и бледная, голос хриплый, лицо инопланетное. Да и Милана жива-здоровая и не собирается освобождать трон.

Сейчас мы с ней одного роста, одной комплекции, и... на этом сходство заканчивается. Зато различий хоть отбавляй: у нее есть статус звезды, деньги, просторный дом, полная семья. А мне, кроме пятерок по всем предметам да едкого сарказма, и похвастаться нечем.

Даже ее очевидный изъян – жестокость – вызывает у окружающих уважение. Она бьет наотмашь по чужим слабостям и выходит победительницей из любой ситуации.

Я живу в ее тени, терплю насмешки и издевательства, а когда срываюсь – остаюсь виноватой и лишь подкрепляю статус психованной одиночки. Орловой же все сходит с рук: ее и к директору после прошлогодней драки не вызывали.

Наверное, с ней могла бы посоперничать Алина – та органична и в мини, и в спортивных легинсах, и мужики плятятся на нее даже на детской площадке, но Милана и ей даст сто очков вперед – именно потому, что не имеет тормозов. Почему все эти хрестоматийные звезды не имеют тормозов и им на все наплевать?!

Вздыхаю, поудобнее укладываю подушку, и тут меня оглушает прозрение – настолько неожиданное, что я роняю телефон на переносицу, шиплю и чертыхаюсь.

Надо не подражать ей. Надо позаимствовать другой стиль – мощнее и круче.

Снова лезу на страничку Глеба: мне позарез нужно найти хоть одну из рафинированных столичных особ и узнать, что в них такого особенного.

Поразительно, но пара именно таких подружек у него находится – их аккаунты открыты, и я со странной смесью любопытства и досады изучаю фото, истории и публикации. Ничего необычного: школьные мероприятия, олимпиады, прогулки по городу, толпы друзей и виды моря. Подписки на группы, посвященные артхаусному кино и философским изречениям. Ничего из того, чем не интересовалась бы я. Только я не бываю за границей и не свечу снисходительными улыбками на коллективных фото.

Они просто выглядят круто. Я не знаю, в чем их секрет.

Однако кое-что общее все же прослеживается: у обеих юбки чуть короче, чем у других девочек, а блузки расстегнуты на несколько верхних пуговиц.

И под каждой фотографией обнаруживается лайк от Глеба.

Настроение падает до нуля.

– Предатель чертов! А как доказывал, что не один из них и терпеть таких не может!..

Но я собираю волю в кулак и решаю ему подыграть. Потому что он по-хорошему отбитый, веселый и умный.

Глава 11. Нелли

Всю я ночь борюсь с тревожными навязчивыми мыслями, забываюсь только под утро, но все равно просыпаюсь раньше будильника – с больной головой и – наверняка – с опухшими глазами.

Мама уже ушла, Алина пытается самостоятельно справиться с Борисом, хотя раннее материнство дается ей нелегко: силиконовая ложечка оказывается где угодно, только не во рту ребенка, каша летит на пол, и тишину пронзают крики недовольного мальчишки и его раздосадованной мамыши.

У меня зудят кулаки: выцепить бы в гаражах придурка на красной тачке и напомнить, что у него, вообще-то, подрастает сын!.. Только вот едва ли это сработает, и у Сереги появится совесть.

– Ослика Боре дай, – хриплю я, выходя из ванной, и вопли действительно стихают.

– Спасибо, Нель! – искренне благодарит сестра.

У меня тут же созревает коварный план:

– Алин... Не одолжишь мне свои туфли, те самые, на «каблуках-убийцах»?

«Самолетик» с кашей прилетает прямо в рот удивленному Борису, сестра поднимает на меня полные ужаса глаза:

– У тебя тридцать девятый. Ты метра в них не пройдешь, а если пройдешь, сама их убьешь!

– Вопрос жизни и смерти, систер!

– Постой-ка... Артём?

– Угу. – Я бессовестно играю на ее любопытстве, но мне ни капли не стыдно. – Предложил подружиться, раз уж мы соседи.

– Ох, отлично придумано! Если не сможешь идти, до подъезда донесет на руках!.. Романтика!

Алина выдает мне туфли – реплику известного и дорогущего бренда, снабжает лифчиком пуш-ап и миллионом ценных наставлений, но я делаю вид, будто тороплюсь, и спасаюсь в комнате. Иногда мне кажется, что своими навязчивыми советами она пытается компенсировать свою рано и внезапно закончившуюся юность, ведь я, по ее мнению, так уныло и бездарно трачу золотое времечко, сидя по вечерам в одиночестве за уроками или реставрацией кукол.

Однако отражение в зеркале мне определенно нравится: если расправить плечи, смотреть чуть надменно, но при этом тепло улыбаться, вполне возможно сойти за одну из знакомых Глеба, излучающих превосходство и уверенность в себе.

* * *

В школу иду с тяжелым сердцем.

Мне плевать на Милану и шуточки ее прихвостней, но перспектива встречи с Артёмом после нашего медленного танца и выходки с пивом будоражит и пугает до чертиков. Он или снова подарит надежду, или окончательно уничтожит мою самооценку – одно из двух...

Форменная юбка, дважды подвернутая на поясе, задирается под порывами ветра, косточки лифчика врезаются в ребра, пальцы ног, стиснутые узкими туфлями, ноют и горят.

Прохожу в пустой класс, разваливаюсь за последней партой, с наслаждением сбрасываю туфли, достаю учебник и тетрадь, но Татьяна Ивановна, вошедшая следом, приклеивается, словно репей:

– Кузьмина, на кого ты похожа? Что за клоунада? Напомнить тебе про устав школы?

– Да я его наизусть знаю... А что за притеснения, Татьяна Ивановна? Разве цвет волос когда-нибудь влиял на мою успеваемость?

Она на миг подвисает, но все равно не отстает:

– Кстати, об успеваемости. Поведай причину вчерашнего пропуска.

– Болел живот. Как женщина, вы должны понимать такие вещи...

За дверью раздаются шаги и голоса, в кабинет wpłyвает Клименко в окружении восторженных, раскрасневшихся, счастливых девчонок. Он демонстративно опускает глаза и не смотрит в мою сторону – плюхается на стул, с улыбкой приветствует Татьяну, а у меня внутри будто что-то надламывается. Натурально не могу дышать: худший сценарий воплотился в жизнь. Он либо ни черта не помнит, либо... не хочет помнить.

На автомате корябаю формулы, вполуха слушаю учителей и пристально вглядываюсь в его загадочный затылок, но никакой новой информации считать не удастся.

На большой перемене техничка раскрывает настежь окна и выгоняет всех в коридор. Напяливаю туфли – орудие пыток, – иду вслед за остальными и тут же нарываюсь на сомнительный комплимент Савкина:

– Вау, вот это да! Кузя, ты меня поражаешь: сиськи, ножки, да еще какие зачетные!

Оглядываюсь, чтобы вылить на него всю скопившуюся на душе горечь, но обнаруживаю, что он совершенно серьезен. Осознавать это приятно, особенно когда Артём, в числе прочих, обращает наконец на меня внимание и провожает задумчивым взглядом.

Я сжимаю кулаки и стараюсь идти легко и ровно: всего-то нужно свернуть за угол, добраться до подоконника в рекреации, сесть на него, разуться и выдохнуть.

Терпеть уже не могу: почти бегом скрываюсь от внезапно обрушившегося внимания, а потом, спотыкаясь и путаясь в собственных ногах, ковыляю к спасительным окнам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.